

КАМЕННЫЕ НЕБЕСА

Н. К. ДЖЕМИСИН

ПРЕМИЯ
«ХЬЮГО»
ЗА
ЛУЧШИЙ
РОМАН

fanzon

Расколота земля

Нора Джемисин
Каменные небеса

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джемисин Н. К.

Каменные небеса / Н. К. Джемисин — «Эксмо»,
2017 — (Расколота земля)

ISBN 978-5-04-155258-9

Скоро вернется Луна. Предвещает ли это гибель человечества или нечто худшее, будет зависеть от двух человек. Иссун унаследовала силу Алебастра Десятиколучника. С помощью нового умения она надеется найти свою дочь Нэссун и создать мир, в котором каждый ребенок-ороген сможет вырасти в безопасности. Но Иссун опоздала. Нэссун уже видела зло мира и приняла то, чего не признает ее мать: иногда то, что испорчено, нельзя очистить, а только уничтожить. У каждой из них есть причины уничтожить мир, но они должны найти ту каплю любви, которая позволит ему жить.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-155258-9

© Джемисин Н. К., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	5
1	9
2	19
Сил Анагист: Пять	25
3	29
4	40
Сил Анагист: Четыре	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Н. К. Джемисин

Каменные небеса

*Тем, кто выжил.
Дышите. Вот так.
Еще раз. Хорошо. Молодцы.
Даже если нет, то вы живы.
Это победа.*

Имена, персонажи, места и события являются авторским вымыслом. Любое сходство с действительными событиями, местными особенностями, личностями, живыми или мертвыми, случайны.

Пролог

Я, когда я был я

ВРЕМЯ ИСТЕКАЕТ, ЛЮБОВЬ МОЯ. Давай закончим с началом мира, хорошо? Да. Хорошо.

Однако это странно. Мои воспоминания похожи на застывших в янтаре насекомых.

Они редко целостны, эти застывшие, давно забытые жизни. Обычно от них остается лапка, чешуйка с крыла, обломок грудной клетки – целое можно представить лишь по фрагментам, и все сливается, размывая рваные грязные трещины. Когда прищуриваюсь и вглядываюсь в прошлое, я вижу лица и события, которые должны что-то значить для меня, и значат, но... нет. Свидетелем этих событий в первую очередь был я сам – и все же нет.

В этих событиях я кто-то иной, точно так же, как Спокойствие было чем-то иным. Тогда – и сейчас. Ты – и ты.

Тогда. Тогда эта земля была *тремя* – хотя они находятся буквально в том же положении, как в тот момент, когда их назовут Спокойствием. Повторяющиеся Зимы в конце концов создадут больше льда на полярных шапках, опустив уровень моря и сделав вашу «Арктику» и «Антарктику» больше и холоднее. Однако тогда...

теперь, это ощущается как теперь, когда я вспоминаю себя тогда, именно это я имею в виду, когда говорю, что это странно...

Теперь, в то время до Спокойствия, крайний север и юг представляют собой приличные сельскохозяйственные земли. То, что вы называете Западным Побережьем, по большей части заболоченные земли и дождевой лес. Он погибнет в следующем тысячелетии. Части Северного Срединья еще не существует, ее создаст излияние лавы в течение тысячи лет извержений. Земля, которая станет Палелой, твоим родным городом? Ее не существует. С учетом всего – не такое большое изменение, но ведь до *сейчас*, в тектоническом масштабе, вообще ни мгновения не прошло. Когда мы говорим «этот мир закончился», помни – это как правило ложь. С планетой-то все в порядке.

Так что мы называем погибшим миром в это *сейчас*, если не Спокойствие?

Позволь мне, прежде всего, рассказать тебе об одном городе.

По вашим меркам он построен неправильно. Он *простирается* так, как ни одна современная община себе не позволит, поскольку для этого потребуются многомильные стены. И самые внешние пределы города тянутся вдоль рек и прочих жизненно важных коммуникаций, порождая дополнительные города, – так расплзается плесень по богатой питательной среде. Слишком близко друг к другу, скажешь ты. Слишком перекрывающиеся терри-

тории. Эти раскидистые города и их змеящиеся отпрыски не способны выжить каждый по себе, будучи отрезанными друг от друга. Иногда у них есть конкретные местные названия, у этих городов-отпрысков, особенно когда они достаточно велики или стары, чтобы самим породить города-детей, но это поверхностное впечатление. Твое предположение об их связанности верно: у них одна инфраструктура, одна культура, те же стремления и страхи. Каждый город похож на остальные города. Все эти города, по сути дела, один большой город. Этот мир в тогдашнем «сейчас» носит имя Сил Анагист.

Ты можешь себе представить, какая *нация* на это способна, дитя Спокойствия? Вся Старая Санзе, если собирать ее воедино из осколков сотен «цивилизаций», которые жили и умерли между сейчас и тогда, не идет в сравнение. Она – лишь сборище параноидальных городов-государств и коммун, согласившихся порой делиться ресурсами ради выживания. Да, Зимы сведут этот мир к таким жалким стремлениям.

Здесь, *сейчас*, стремлениям предела нет. Народ Сил Анагиста овладел силами материи и ее составляющих; они лепят саму жизнь согласно их капризам; они так глубоко исследовали тайны неба, что устали от него и снова вернулись к земле у себя под ногами. И Сил Анагист живет, о, как живет, на людных улицах и в бесконечной торговле и строительстве, которые твой разум с трудом осознал бы как таковые. У зданий стены из узорчатой целлюлозы, которую едва видно под листвой, мхом, травой и гроздьями плодов или клубней. На некоторых крышах развеваются флаги, которые на самом деле огромные, развернутые цветущие лишайники. Улицы кишат вещами, которые тебе трудно было бы признать транспортом, разве только в том, что в них путешествуют и они осуществляют доставку. Некоторые передвигаются на ножках, как массивные членистоногие. Некоторые всего лишь открытые платформы, которые скользят на подушках резонансного потенциала, – а, но тебе этого не понять. Скажу лишь, что эти средства передвижения парят в нескольких дюймах над поверхностью. Их не тянут животные. Их не движет пар или химическое топливо.

Если перед ними порой пробегают дети или домашние питомцы, они на миг перестают существовать, затем возникают по другую сторону, не снижая скорости и не теряя самосознания. Никто не считает это смертью.

Но есть то, что ты узнала бы. Он возвышается над городом, вырастая из его сердца. Это самый высокий, самый яркий предмет на много миль в округе, и все рельсы и дороги так или иначе сходятся к нему. Это твой старый друг, аметистовый обелиск. Он не летает – пока нет. Он стоит, не совсем пассивно, в своем гнезде. То и дело он пульсирует – тебе это знакомо по Аллии. Это более здоровый импульс, чем тогда. Этот аметист – не поврежденный, умирающий гранат. Все же, если сходство заставляет тебя содрогнуться, не скажу, что это нездоровая реакция.

По всем этим трем землям, во всех достаточно больших узлах Сил Анагиста стоит по обелиску. Они усеивают лицо мира, две сотни и пятьдесят шесть пауков в двух сотнях и пятидесяти шести паутинах, кормящие каждый город и кормимые в ответ. Паутины жизни, если хочешь так о них думать. Понимаешь ли, жизнь в Сил Анагисте священна.

Теперь представь вокруг основания аметиста шестиугольный комплекс зданий. Что бы ты ни представила, это не будет похоже на реальность, но просто представь что-то красивое, и сойдет. Посмотри пристальнее на одно вон там, у юго-западного края обелиска, – вон тот, на отлогом холмике. На хрустальных окнах здания нет решеток, но представь переплетение чуть более темного материала на прозрачном.

Нематоцисты¹, популярный метод защиты окон от нежелательного контакта – хотя они существуют лишь на внешней поверхности окон, не позволяющий нежелательному вторг-

¹ Стрекательная клетка, присущая как полипоидным, так и медузоидным поколениям в жизненном цикле книдарий (стрекающих). Книдоциты используются книдариями для охоты на добычу и защиты от врагов. Каждый книдоцит содержит специ-

нуться внутрь. Они жалят, но не убивают. (Жизнь в Сил Анагисте священна.) Внутри у дверей нет охраны. Охранники в любом случае не эффективны. Эпицентр – не первая организация, познавшая вечную истину человечества: стража не нужна, если убедить людей сотрудничать в их собственном самозаточении.

Это камера в миленькой тюрьме.

Я знаю, она не похожа на камеру. Там есть прекрасный предмет мебели, который ты назвала бы диваном, хотя у него нет спинки и он состоит из нескольких частей, организованных группами. Остальная мебель обычна, ты ее узнала бы – каждому обществу нужны столы и кресла. Сквозь окно виден сад на крыше одного из других зданий. В это время дня сад освещает падающий сквозь кристалл косой солнечный свет, и цветы, растущие в саду, были выращены и высажены именно с учетом этого эффекта. Пурпурный свет окрашивает дорожки и клумбы, и кажется, что цветы слабо светятся, реагируя на свет. Некоторые из этих крохотных белых цветов-огоньков то и дело подмигивают, отчего вся клумба сверкает, как звездное небо.

Мальчик смотрит в окно на мигающие цветы.

На самом деле это юноша. На первый взгляд зрелый, без возраста. Не столько коренастый, сколько *крепкий* по сложению. У него широкое толстошеекое лицо и маленький рот. Он весь белый – бесцветная кожа, бесцветные волосы, льдистые глаза, элегантно задрапированные одежды. В комнате все белое – мебель, коврики и пол под ними. Стены сделаны из отбеленной целлюлозы, и на них ничего не растет. В этом стерильном месте в отраженном пурпурном внешнем свете только этот мальчик конкретно живой.

Да, этот мальчик я. Я не то чтобы помню его имя, но помню, что в нем было слишком много ржавых букв. Так что давай будем называть его Хоува – тоже на звук, просто подбито всякими молчаливыми буквами и тайными смыслами. Оно достаточно близкое и вполне *символизирует*...

О! Я слишком, неподобающе зол. Интересно. Ладно, перейдем к чему-то менее напряжному. Вернемся к тому сейчас, которое будет, и совсем иному здесь.

«Сейчас» – это «сейчас» Спокойствия, по которому до сих пор расходятся эхом волны Разлома. «Здесь» – не совсем «здесь» Спокойствия, а пещера непосредственно над главной лавовой камерой обширного древнего щитового вулкана. В сердце вулкана, если ты предполагаешь язык метафор. Если нет – то это глубокая, темная, едва стабильная полость в скальной породе, которая не слишком остыла за те тысячелетия с тех пор, как Отец-Земля впервые оторвался от нее. Внутри этой пещеры стою я, частично сплавившись с куском скалы, чтобы лучше видеть малейшие возмущения или крупные деформации, предвещающие обрушение. Мне не нужно этого делать. Здесь присутствует несколько процессов кроме того, который запустил я. И все же я понимаю, каково быть одному, когда ты растерян, испуган и не уверен в том, что случится дальше.

Ты не одна. И никогда не будешь одна, если не выберешь иного. Я знаю, что это значит здесь, в конце мира.

Ах, любовь моя. Апокалипсис – вещь относительная, не так ли? Когда земля раскалывается, это угроза жизни, которая от нее зависит, – но нормально для Отца-Земли. Когда человек умирает, это ужасно для девочки, которая некогда звала его отцом, но это становится ничем, когда ее называли *чудовищем* столько раз, что она в конце концов привыкла к этому клейму. Когда раб восстает, это ничего не значит для тех, кто читает об этом потом. Просто тонкие слова на еще более тонкой бумаге, еще более истонченной трением истории. («Ну были вы рабами, и что?» – шепчут они. Словно это ничего не значит.) Но для людей, переживших восстание рабов, – и тех, кто считал свою власть данностью, пока это не кончилось для них тьмой,

фическую внутриклеточную органеллу, называемую «книдоцист» (или «нематоцист»), которая, собственно, и обеспечивает поражение врага или пищевого объекта.

и тех, кто готов сжечь мир, чем хоть еще мгновение быть «на своем месте», это не метафора, Иссун. Не гипербола. Я *действительно* видел, как мир горит. Не говори мне о невинных свидетелях, незаслуженных страданиях, безжалостной мести. Когда община построена на зоне разлома, ты будешь винить стены, когда они неминуемо рухнут, погребая под собой людей? Нет, ты винишь того идиота, который решил, что может отрицать законы природы. Да, некоторые миры построены на зоне страданий, поддерживаемые кошмаром. Не оплакивай падение этих миров. А гневайся на то, что они были обречены с самого начала.

Так что теперь я расскажу тебе, как кончился этот мир, Сил Анагист. Я расскажу тебе о том, как я покончил с ним, или хотя бы с большей частью его, чтобы начать восстанавливать себя из обломков.

Я расскажу тебе, как я открыл Врата, как отбросил прочь Луну и улыбался при этом.

И я расскажу тебе, не скрывая, о том, как позже, в тишине смерти, я прошептал:

Сейчас.

Сейчас.

И Отец-Земля прошептал в ответ:

Гори.

1

Ты, наяву и во сне

ЧТО ЖЕ. ДАВАЙ ПОВТОРИМ ПРОЙДЕННОЕ.

Ты Иссун, единственная из выживших орогенов во всем мире, кто открыл Врата Обелиска. Никто не ждал для тебя такой великой судьбы. Ты была одной из орогенов Эпицентра, но не восходящей звездой вроде Алебастра. Ты была дичком, найденным в захолустье, уникальная лишь тем, что у тебя больше прирожденных способностей, чем у среднего роуги, рожденного случайно. Хотя начала ты хорошо, ты рано вышла на плато – по непонятной причине. Тебе просто не доставало стимула к поиску нового или стремления к превосходству – или так жаловались старшие за закрытыми дверями. Слишком рано для того, чтобы удовлетворить систему Эпицентра. Она ограничивала тебя. Это хорошо, поскольку иначе тебя никогда не спустили бы с поводка так, как они это сделали, отправив тебя на задание вместе с Алебастром. *Это он* в ржавь пугал их. Ты же... они считали тебя безопасной, сломленной как подобает и обученной повиноваться, так что вряд ли ты случайно сметешь город. Им же хуже – сколько городов ты уже уничтожила? Один наполовину непреднамеренно. Остальные три случайно, но разве это имеет значение? Для мертвых – нет.

Иногда ты мечтаешь вернуть все это, как если бы ничего не было. Не тянуться судорожно к гранатовому обелиску в Аллии, а вместо этого смотреть, как счастливые черные детишки резвятся в прибое на черном песчаном пляже, а ты истекаешь кровью на ноже Стража. Не быть перенесенной Сурьмой на Миов – вместо этого вернуться в Эпицентр и родить Корунда. Ты бы потеряла его после родов, и никогда у тебя не было бы Иннона, но оба они, возможно, были бы все еще живы. (Ну да. Какова ценность этой «жизни», если бы Кору сунули в узел.) Но тогда ты никогда не жила бы в Тиримо, не родила бы Уке, чтобы тот погиб от кулаков отца, никогда не воспитывала бы Нэссун, чтобы ее потом похитил отец, никогда не убила бы своих соседей при их попытке убить тебя. Сколько жизней были бы спасены, если бы ты осталась в своей клетке.

Или умерла по требованию.

Здесь и сейчас, давно свободная от организованных, уравновешенных структур Эпицентра, ты стала могущественной. Ты спасла общину Кастримы ценой самой Кастримы – невелика цена по сравнению с той кровавой платой, которую взяла бы вражеская армия, если бы победила.

Ты достигла этой победы, выпустив концентрированную мощь загадочного механизма, старше вашей (письменной) истории – и потому, что ты та, кто ты есть, в процессе обучения владению этой мощью ты убила Алебастра Десятиколучника. Ты не хотела этого. Ты вообще подозреваешь, что он хотел, чтобы ты это сделала. Как бы то ни было, он мертв, и эта цепочка событий сделала тебя самым могущественным орогеном планеты.

Это также означает, что срок твоего могущества подходит к концу, поскольку с тобой происходит то же самое, что случилось с Алебастром: ты превращаешься в камень. Пока лишь твоя правая рука. Могло быть и хуже. *И будет*, когда ты в другой раз откроешь Врата или даже когда ты в другой раз применишь достаточно этой странной серебряной не-орогении, которую Алебастр называл магией. Но выбора у тебя нет. Благодаря Алебастру у тебя есть дело, которое ты должна сделать, и невнятная фракция камнеедов, которая всегда втихую пыталась покончить с той древней войной между жизнью и Отцом-Землей. Тебе кажется, что дело, которое ты *должна сделать*, самое легкое из двух. Просто поймать Луну. Закрыть Юменесский Разлом. Сократить длительность нынешней Зимы с тысяч или миллионов лет до чего-либо приемлемого – чтобы у человеческой расы был шанс выжить. Навсегда покончить с Пятым временем года.

Дело, которое ты, однако, *хочешь сделать* – найти Нэссун, твою дочь. Забрать ее у человека, который убил твоего сына и утащил ее за полмира в разгар катастрофы. По этому поводу у меня есть и хорошие новости, и плохие. Сейчас мы перейдем к Джидже.

Ты не то чтобы в коме. Ты – ключевой компонент сложной системы, которая сейчас вся в целом пережила массивную, плохо контролируруемую стартовую перегрузку и аварийное отключение с незначительным временем перезарядки, проявившееся как магохимическое фазовое сопротивление с мутагенным откликом. Тебе нужно время для... перезагрузки.

Это значит, что ты в сознании. Это больше похоже на периоды полусна-полубодствования, если это имеет значение. Ты как-то осознаешь происходящее. Качающееся движение, случайные встряски. Кто-то кладет тебе в рот пищу и вливает воду. К счастью, ты достаточно в себе, чтобы глотать и жевать, поскольку конец света на засыпанной пеплом дороге – плохое место и время для кормления через трубку. Кто-то одевает тебя и всовывает промеж ног подгузник. Тоже плохое время и место для этого, но кто-то ухаживает за тобой, и ты не против. Ты едва замечаешь все это. Ты не ощущаешь голода или жажды, прежде чем тебе дают еду. Твои испражнения не приносят особого облегчения. Жизнь продолжается. Так что *восторги* тут ни к чему.

Со временем периоды сна и бодрствования становятся более выраженными. Затем однажды ты открываешь глаза и видишь над собой затянутое облаками небо. Оно качается взад-вперед. Порой по нему проплывают голые ветки. Слабая тень обелиска сквозь облака – шпинель, подозреваешь ты. Вернулась к прежней форме и громадности и следует за тобой, как одинокий щенок, раз Алебастр мертв.

Через некоторое время тебе становится скучно смотреть в небо, так что ты поворачиваешь голову и пытаешься понять, что происходит. Вокруг тебя движутся серо-белые фигуры, как во сне... нет. Они одеты как обычно, просто все в бледном пепле. И одеты они многослойно, поскольку холодно – вода еще не замерзает, но близко к тому. Зима длится почти два года – два года без солнца. Разлом выбрасывает много тепла на экваторе, но этого отнюдь не достаточно, чтобы компенсировать недостаток огромного огненного шара в небе. И все же без Разлома было бы хуже – температура была бы сильно ниже нуля, а не близка к нулю. Пустячок, а приятно.

Как бы там ни было, одна из пепельных фигур, похоже, замечает, что ты очнулась, или чувствует твоё шевеление. Лицо в маске и очках поворачивается к тебе, затем снова вперед. Двое перед тобой перешептываются, но ты не понимаешь. Они говорят не на чужом языке. Просто ты не совсем в себе, и слова частично глушит пеплопад.

Кто-то заговаривает позади тебя. Ты вздрагиваешь и пытаешься посмотреть назад на другого человека в маске и очках. Кто эти люди? (Тебе не приходит в голову испугаться. Как и голод, такие примитивные вещи теперь для тебя стали более абстрактными.) Затем что-то щелкает, и ты понимаешь – ты на носилках, – это две жерди, между которыми натянута шкура, и тебя несут четверо. Один из них кричит, остальные отзываются чуть дальше.

Много откликов. Много людей.

Еще один крик откуда-то издали, и люди, несущие тебя, останавливаются. Они переглядываются и синхронно опускают тебя с легкостью многократно повторенного маневра. Ты ощущаешь, как носилки ставят на мягкий сыпучий слой пепла поверх еще более толстого его слоя, поверх того, что может быть дорогой. Затем твои носильщики отходят, открывают рюкзаки и садятся в ритуале, знакомом тебе по месяцам, проведенным в дороге. Перекус.

Ты знаешь этот ритуал. Тебе следует встать. Что-то съесть. Проверить ботинки насчет дыр или камешков, осмотреть ноги в поисках незамеченных мозолей, проверить маску – минутку, а ты в маске? Если все прочие в масках... Твоя лежала в твоём дорожном рюкзаке, так ведь? Где он? Кто-то выходит из полумрака и пеплопада. Высокий, широкий, обезличенный

одеждой и маской, но узнавание приходит благодаря знакомым пушистым пепельным волосам. Она садится на корточки возле твоей головы.

– Хм-м. Все-таки жива. Похоже, я проиграла Тонки пари.

– Хьярка, – говоришь ты. Твой голос еще более хриплый, чем у нее. По складкам ее маски ты понимаешь, что она ухмыляется. Странно ощущать ее улыбку без обычного угрожающего подтекста ее заточенных зубов.

– И мозг, вероятно, не пострадал. Я хотя бы выиграла пари с Южкой. – Она оглядывается по сторонам и орет:

– Лерна!

Ты пытаешься поднять руку и схватить ее за ногу. Это все равно что сдвинуть гору. Вообще, ты должна быть способна передвигать горы, потому ты сосредотачиваешься и наполовину поднимаешься – и забываешь, зачем тебе была нужна Хьярка. Она оглядывается, к счастью, и видит твою поднятую руку. Она дрожит от усилий. После раздумья она вздыхает и берет тебя за руку, затем отводит взгляд, словно в растерянности.

– Что творится? – удается выдавить тебе.

– Чтобы, ржавь побери, я знала. Мы не ждали передышки так быстро.

Это не то, чего ты ожидала, но слишком много усилий уйдет на попытку сказать остальное. Потому ты лежишь, и тебя держит за руку женщина, которая явно лучше занялась бы чем-нибудь другим, но все же снисходит, чтобы выразить тебе сочувствие, поскольку думает, что ты в этом нуждаешься. Тебе этого не нужно, но ты благодарна за попытку.

Еще две фигуры выступают из вихря, обе узнаваемые по знакомым очертаниям. Одна мужская и худощавая, вторая женская и пухлая. Худощавая сменяет Хьярку у твоего изголовья и наклоняется, чтобы снять с тебя очки – ты и не осознавала, что они есть.

– Дай мне камень, – говорит он. Это Лерна, и слова его бессмысленны.

– Что? – говоришь ты.

Он не слушает тебя. Тонки – вторая фигура – тычет локтем Хьярку, которая вздыхает и роется в своем рюкзаке, пока не находит что-то маленькое. Она протягивает это Лерне.

Он кладет руку тебе на скулу, поднимая предмет. Он начинает светиться знакомым белым светом. Ты понимаешь, что это кристалл из нижней Кастримы – они загораются при контакте с орогеном, поскольку сейчас Лерна в контакте с тобой. Гениально. При помощи этого светильника он наклоняется и всматривается в твои глаза.

– Зрачки сокращаются нормально, – бормочет он себе под нос. Его рука на твоей щеке вздрагивает. – Лихорадки нет.

– Я чувствую себя тяжелой, – говоришь ты.

– Ты жива, – отвечает он, словно это все полностью объясняет. Никто не говорит на языке, который ты можешь понимать сейчас. – Моторика вялая. Сознание?..

Тонки наклоняется к тебе.

– Что тебе снилось?

Это несет смысла не больше, чем *дай мне камень*, но ты пытаешься ответить, поскольку ты слишком не в себе, чтобы понимать, что ты не должна отвечать.

– Город, – бормочешь ты. Комок пепла падает на твои ресницы, и ты моргаешь. Лерна снова надевает на тебя очки. – Он был живой. Над ним был обелиск. – Над ним? – Или в нем, кажется.

Тонки кивает.

– Обелиски редко висят прямо над человеческими поселениями. У меня в Седьмом был приятель, который выдвигал по этому поводу кое-какие теории. Хочешь послушать?

Наконец до тебя доходит, что ты делаешь нечто глупое – провоцируешь Тонки. Ты прилагаешь огромные усилия, чтобы сердито посмотреть на нее.

– Нет.

Тонки смотрит на Лерну.

– Ее способности вроде не пострадали. Может, немного тормозная, но она всегда такой была.

– Да, спасибо, что подтвердила. – Лерна заканчивает то, что он делал, и снова садится на корточки. – Хочешь попробовать пройтись, Иссун?

– А не слишком ли? – говорит Тонки. Она хмурится, это видно, несмотря на то, что на ней очки. – После комы и всего такого...

– Ты не хуже меня знаешь, что Юкка не даст ей достаточно времени на выздоровление. Это может даже оказаться ей на пользу.

Тонки вздыхает. Но именно она помогает Лерне, когда тот подсовывает тебе руку под спину и поднимает тебя в сидячее положение. Хотя на это уходит сто лет. Когда ты выпрямляешься, у тебя голова идет кругом, но это быстро проходит. Но что-то не так. Возможно, это последствие того, через что тебе пришлось пройти – сдается, теперь ты навсегда будешь скрюченной, поскольку твое правое плечо провисает, потому, что его оттягивает рука, словно она словно она из

О. О.

Остальные перестают занимать тебя, как только ты осознаешь, что случилось. Они смотрят, как ты поднимаешь плечо, насколько можешь, пытаешься поднести к глазам правую руку. Она тяжелая. Твое плечо ноет от усилия, хотя большая часть суставов еще из плоти, поскольку этот вес отягощает именно плоть. Некоторые связки трансформировались, но они все еще прикреплены к живой кости. Что-то скрежест и натирает внутри того, что должно быть гладким шаровым шарниром. Тебе не так больно, как ты предполагала, когда видела такое у Алебастра. Ну хоть что-то. Остальная часть руки, с которой кто-то снял рукав рубашки и куртки, чтобы открыть ее, изменилась почти до неузнаваемости. Кроме того, что она все еще прикреплена к твоему телу, она приобрела вид, который тебе слишком знаком, – ладно. Не столь изящная и узкая, как в юности. Ты некогда была плотной, и это до сих пор видно по твоему роскошному предплечью и легкому провисанию кожи под плечом. Бицепс более выражен, чем обычно, – два года выживания. Кисть сжата в кулак, вся рука чуть поднята в локте. Ты всегда имела привычку сжимать кулаки, борясь с наиболее трудным моментом орогении.

Но родинки, которая некогда была на середине твоей кисти, вроде крохотной черной мушки, нет. Ты не можешь повернуть руку, чтобы посмотреть на локоть, потому ты касаешься его. Рубец, оставшийся от падения, больше не нащупывается, хотя он должен выделяться по сравнению с кожей. Этот уровень тонкого разрешения ушел в текстуру, шершавую и плотную, как неполированный песчаник. Ты трешь ее – возможно, саморазрушительно, – но ни одной частички не отделяется под твоими пальцами; она крепче, чем кажется с виду. Цвет повсюду ровный, серовато-коричневый, совершенно не похожий на твою кожу.

– Так с тех пор, как Хоа принес тебя обратно. – Это Лерна, который молчал все время, пока ты рассматривала себя. Голос его лишен эмоций. – Он говорит, ему нужно твое разрешение, чтобы, ну...

Ты прекращаешь пытаться стереть свою каменную кожу. Может, это шок, может, страх поглотил твой шок, может, ты просто действительно ничего не чувствуешь.

– Тогда скажи, – говоришь ты Лерне. Усилия, затраченные, чтобы сесть и посмотреть на руку, немного привели тебя в норму. – Что мне делать с этим с точки зрения твоего профессионального мнения?

– Думаю, что тебе следует либо разрешить Хоа съесть ее, либо пусть кто-то из нас отколлет ее кувалдой.

Ты кривишься.

– Это уж слишком драматично, тебе не кажется?

– Мне кажется, что всему остальному это не будет по зубам. Ты забываешь, что у меня было много времени, чтобы обследовать Алебастра, когда это случилось с ним.

Откуда-то в голове всплывает мысль, что Алебастру требовалось напоминать, что надо поесть, поскольку он не испытывал голода. Это не актуально, просто всплыла мысль.

– Он тебе позволял?

– А я не дал ему выбора. Мне нужно было понять, не заразно ли это, поскольку это расплозилось по нему. Разок я взял пробу, и он пошутил, что Сурьма – его камнеедка – захочет получить ее назад.

Вряд ли это была шутка. Алебастр всегда улыбался, когда говорил самую жестокую правду.

– И ты отдал?

– Лучше тебе поверить, что да. – Лерна проводит рукой по волосам, смахивая горстку пепла. – Послушай, нам придется обернуть твою руку на ночь, чтобы ее холод не снизил температуры твоего тела. У тебя на коже растяжки там, где она ее оттягивает. Подозреваю, что она деформирует кости и растягивает сухожилия; суставы не предназначены для такого веса. – Он мнется. – Мы можем отнять ее сейчас и передать Хоа позже, если хочешь. Не вижу причины, почему ты должна ее... вот так.

Ты думаешь, что Хоа сейчас где-то у тебя под ногами, слушает вас. Но Лерна как-то странно брезглив в этом отношении. Почему? Ты пытаешься догадаться.

– Я не против, если Хоа ее съест, – говоришь ты. Ты говоришь это не только ради Хоа. Ты действительно так думаешь. – И ему польза, и я от этой штуки избавлюсь, почему бы и нет?

Что-то вздрагивает в лице Лерны. Маска бесстрастности исчезает, и ты внезапно видишь, что мысль о том, что Хоа отъест твою руку, омерзительна ему. Что же, если смотреть под этим углом, то концепция отвратительна по сути своей. Однако это слишком утилитарный подход. Слишком атавистический. Ты хорошо знаешь по часам, проведенным среди клеток и частиц преобразующегося тела Алебастра, что именно происходит с твоей рукой. Глядя на нее, ты видишь все, кроме серебряных нитей магии, перестраивающей мельчайшие частички и энергию вещества твоего тела, передвигая одну частицу так, чтобы она ориентировалась в том же направлении, что и другая, тщательно выстраивая решетку, которая связывает все воедино. Чем бы ни был этот процесс, он просто слишком точен, слишком мощен, чтобы быть случайным – или чтобы поедание его было для Хоа той гротескной нелепостью, как это видится Лерне. Но ты не знаешь, как объяснить это ему, а если и могла бы, тебе бы сил не хватило.

– Помоги мне встать, – говоришь ты.

Тонки робко берет тебя под каменную руку, поддерживая ее так, чтобы она не упала и не вывернула тебе плечо. Сверлит Лерну сердитым взглядом, пока тот, наконец, не встает и не подхватывает тебя под спину снова. Поддерживаемая ими, ты встаешь, но идти трудно. К концу ты задыхаешься, и колени у тебя ватные. Кровь в твоём теле не успевает подавать кислород, и на мгновение ты пошатываешься с кружащейся головой.

– Ладно, давай снова ее уложим, – тут же говорит Лерна. – Ты снова резко валишься, переводя дух, рука нелепо поднимает твое плечо, пока Тонки не поправляет ее.

Эта штука действительно тяжелая.

(Твоя *рука*. Не «эта штука». Это твоя правая рука. Ты потеряла правую руку. Ты это осознаешь и скоро будешь оплакивать ее, но сейчас о ней проще думать как о вещи, отдельной от тебя. Особенно бесполезный протез. Доброкачественная опухоль, которую надо удалить. Все это так. А еще это твоя ржавая рука.)

Ты сидишь, задыхаясь и желая, чтобы мир перестал вращаться, когда слышишь чье-то приближение. Этот человек говорит громко, велит паковаться, отдых окончен, надо пройти еще пять миль до темноты. Юкка. Ты поднимаешь голову, и она подходит достаточно близко, и в этот момент ты понимаешь, что думаешь о ней как о друге. Ты понимаешь это, поскольку

тебе приятно слышать ее голос и видеть, как она выступает из кружащегося пепла. Когда ты в последний раз видела ее, она была в серьезной опасности – ее угрожали убить камнееды, атакующие нижнюю Кастриму. Это одна из причин того, что ты использовала кристаллы нижней Кастримы, чтобы запереть атакующих. Ты хотела, чтобы она и все прочие орогены Кастримы, как, впрочем, и все люди Кастримы, зависевшие от орогенов, остались жить.

Ты улыбаешься. Улыбка слабая. Ты слаба. Вот потому тебе становится по-настоящему больно, когда Юкка поворачивается к тебе и поджигает губы в откровенном отвращении.

Она сняла ткань с нижней части лица. Глаза ее подведены серо-черным, и даже конец света не заставит ее отказаться от макияжа, но ты не можешь их увидеть за очками, прикрученными к лицу тряпкой, чтобы защитить глаза от пепла.

– Дерьмо, – говорит она Хьярке. – Ты никак не хочешь дать мне услышать все до конца? Хьярка пожимает плечами.

– Пока не заплатишь.

Ты смотришь на Юкку, и робкая застывшая улыбка сползает с твоего лица.

– Возможно, она полностью оправится, – говорит Лерна. Голос его нейтрален – ты сразу ощущаешь в нем осторожность хождения по лаве. Осторожно-по-лавовой-корке. – Но на ноги она раньше чем через несколько дней вряд ли встанет.

Юкка вздыхает, упирает руку в бедро и откровенно думает, что бы такого сказать. Останавливается тоже на нейтральном.

– Прекрасно. Я назначу еще людей на смену носильщикам. Но поставь ее на ноги как можно скорее. В этой общине все либо сами себя несут, либо остаются позади. – Она отворачивается и идет прочь.

– Ну, да, – тихо говорит Тонки, как только Юкка отходит подальше. – Она немного зла на то, что ты разрушила жеоду.

Ты морщишься.

– Разрушила... – О, но ведь так. Разрушила, заперев всех этих камнеедов в кристаллах. Ты хотела спасти всех, но Кастрима была машиной, очень старой, очень тонкой машиной, которой ты не понимала. И теперь вы наверху, бредете сквозь пеплопад... – О, ржавь земная, разрушила ведь.

– Что, ты не поняла? – Хьярка выпускает смешок. Невеселый. – Ты действительно думала, что все мы наверху, вся эта ржавая община идет на север сквозь пепел и холод ради *прикола*? – Она отходит прочь, качая головой. Не одна Юкка зла из-за этого.

– Я не... – начинаешь было ты, *я не хотела*, и осекаешься. Потому, что ты не намеревалась этого делать, чем бы оно ни кончилось.

Лерна, глянув тебе в лицо, коротко вздыхает.

– Общину уничтожил Реннанис, Иссун. Не ты. – Он помогает тебе снова лечь на живот, но не смотрит тебе в глаза. – Мы потеряли Кастриму в ту самую минуту, как наводнили верхнюю Кастриму кипячками, чтобы спасти себя. Вряд ли они ушли бы просто так или оставили на этой территории хоть что-то съедобное. Если бы мы остались в жеоде, мы так или иначе были бы обречены.

Это правда, и звучит совершенно рационально. Однако реакция Юкки показывает, что кое-что рациональному рассмотрению не поддается. Ты не можешь отнять у людей дом и чувство защищенности так внезапно и драматически и ожидать, что они увидят длинные цепочки ответственности прежде, чем разозлиться.

– Переживут. – Ты моргаешь и видишь, что Лерна смотрит на тебя, взгляд его чист и выражение лица искреннее. – Я смог – и они смогут. Просто нужно немного времени.

Ты не понимала, что он *действительно* пережил Тиримо.

Он не обращает внимания на твой пристальный взгляд, затем жестом подзывает четверых стоящих рядом людей. Ты уже лежишь, так что он подсовывает твою каменную руку тебе под

бок, позаботившись, чтобы одеяло покрывало ее. Носильщики снова берутся за носилки, и тебе приходится приглушать свою орогению, которая – теперь, когда ты в сознании – стремится реагировать на каждый толчок как на землетрясение. Когда они пускаются в путь, перед тобой выныривает голова Тонки.

– Эй, все будет в порядке. Меня много кто терпеть не может.

Это совершенно не утешает. Расстраивает, что тебе не все равно и что остальные это видят. Ты всегда была такой твердой сердцем. Но внезапно ты понимаешь, почему ты вовсе не такая.

– Нэссун, – говоришь ты Тонки.

– Что?

– Нэссун. Я знаю, где она, Тонки. – Ты пытаешься поднять правую руку и схватить ее за руку, и в руке твоей пульсирует набегающая и отступающая боль. Ты слышишь звон. Это не больно, но ты про себя ругаешься, что позабыла. – Я должна пойти и найти ее.

Тонки бросает взгляд на твоих носильщиков, затем туда, куда ушла Юкка.

– Говори тише.

– Что? – Юкка прекрасно знает, что ты хочешь найти дочь. Это было практически первым, что ты ей сказала.

– Если хочешь, чтобы тебя бросили на обочине, продолжай говорить.

Ты затыкаешься, продолжая стараться унять орогению. О. Вот как, значит, Юкка взбешена.

Пепел продолжает падать, постепенно заносит твои очки, поскольку у тебя нет сил смахнуть его. В возникшей серой полумгле на первое место становится необходимость восстановления твоего тела. Ты снова засыпаешь. Когда ты в следующий раз просыпаешься и смахиваешь пепел с лица, это потому, что носилки снова поставили и в крестец тебе упирается камешек или сучок. Ты стараешься сесть, опираясь на локоть, и это легче, хотя ты по-прежнему не способна на большее.

Наступила ночь. Несколько десятков людей устроились на чем-то вроде каменистого выступа среди чахлого недолеса. Камень сэссится знакомо по твоим исследованиям окружения Кастримы, и это помогает тебе сориентироваться: это участок недавнего тектонического подъема примерно в ста шестидесяти милях к северу от жеоды Кастримы. Это показывает тебе, что путешествие от Кастримы должно было начаться всего несколько дней назад, поскольку большая группа быстрее идти не может, и только здесь вы можете пройти в направлении на север. Реннанис. Каким-то образом все должны были узнать, что он пуст и пригоден для жилья. Или, может, они просто надеются, больше ведь не на что. Но хотя бы на этот счет ты можешь их уверить... если они будут тебя слушать.

Люди вокруг тебя раскладывают костры, готовят вертелы, роют отхожие ямы. В нескольких точках лагеря небольшие груды разбитых кусков кристаллов Кастримы дают дополнительное освещение. Приятно узнать, что вокруг достаточно орогенов, чтобы кристаллы светились. Кое-где работа идет плохо, поскольку люди не привыкли к ней, но в остальном все хорошо организовано.

То, что в Кастриме более чем достаточно тех, кто умеет жить в дороге, оказывается для нее благом. Твои носильщики, однако, оставляют тебя там, где опустили носилки, и если кто-то и собирается развести для тебя костер или принести тебе еды, то они еще не занялись этим. Ты замечаешь Лерну на корточках среди небольшой группы людей, которые тоже лежат, но он занят.

О, да, здесь же должно быть много раненых после того, как солдаты Реннаниса прорвались в жеоду.

Ладно, тебе не нужен костер и ты не голодна, так что общее безразличие к тебе задевает тебя лишь на миг, разве что эмоционально. Беспокоит тебя то, что исчез твой дорожный рюк-

зак. Ты пронесла его через половину Спокойствия, хранила в нем свои старые ранговые кольца, даже уберегла их от превращения в каменную пыль, когда в твоём доме проходил преображение камнеед. В нём было немного такого, что все ещё имеет значение для тебя, но он сам здесь и сейчас имел некоторую сентиментальную ценность.

Что же, все что-то потеряли.

Внезапно твой ближний круг ощущений отягощает гора. Несмотря ни на что ты ловишь себя на том, что улыбаешься.

– Все гадала, когда ты появишься.

Над тобой стоит Хоа. Ты до сих пор не привыкла видеть его таким: взрослым, среднего роста, а не маленьким ребенком, черный полосатый мрамор вместо белой плоти. Однако каким-то образом легко увидеть в нём ту же самую личность – тот же овал лица, те же неотступные льдистые глаза, та же невыразимая странность, тот же налет тайного сумасбродства – как у того Хоа, которого ты знала весь прошлый год. Что изменилось, что этот камнеед больше не кажется тебе чужим? В нём – только внешность. В тебе – все.

– Как ты? – спрашивает он.

– Лучше. – Рука тянет тебя вниз, когда ты сдвигаешься, чтобы получше его видеть, постоянно напоминая тебе о неписаном контракте между вами. – Ты рассказал им о Реннанисе?

– Я. И я веду их туда.

– Ты?

– Насколько Юкка меня слушает. Я думаю, она предпочитает камнеедов в качестве молчаливой угрозы, чем как активных союзников.

Это заставляет тебя рассмеяться. Однако.

– А ты *союзник*, Хоа?

– Не их. Юкка это тоже понимает.

Да. Вероятно, потому ты до сих пор жива. Пока Юкка обеспечивает твою безопасность и кормит тебя, Хоа будет помогать. Ты снова в дороге, и все это опять ржавая сделка. Община, бывшая Кастримой, живет, но больше она не община в истинном смысле слова, просто группа странников-единомышленников, сотрудничающих ради выживания. Возможно, она сможет снова стать настоящей общиной позже, как только обретет новый дом, чтобы защищать его, но пока ты понимаешь, почему Юкка зла. Потеряно нечто целостное и прекрасное.

Ладно. Ты смотришь на себя. Ты уже не целостная, но то, что от тебя осталось, можно укрепить; скоро ты будешь способна пойти за Нэссун. Но сначала то, что должно быть сделано в первую очередь.

– Мы собираемся сделать это?

Хоа несколько мгновений молчит.

– Ты уверена?

– Эта рука ничего хорошего мне не приносит, скажем так.

Еле слышный звук. Скрежет камня о камень, медленный и неотвратимый. Очень тяжелая рука ложится на твоё полупреобразившееся плечо. Несмотря на её вес, у тебя ощущение, что по стандартам камнеедов это нежное прикосновение. Хоа осторожен с тобой.

– Не здесь, – говорит он и утягивает тебя в землю. Лишь на мгновение. Он всегда совершает эти путешествия сквозь землю быстро, поскольку, вероятно, если бы это занимало больше времени, то было бы трудно дышать... и не свихнуться. Это чуть больше чем размытое ощущение движения, вспышка в темноте, слабый запах глины, гуще чем едкий пепел. Потом ты лежишь на другом каменном выступе – вероятно, том самом, на котором расположилась остальная Кастрима, чуть в отдалении от лагеря. Здесь нет костров; единственный свет – красноватый отсвет на плотных облаках впереди. Твои глаза быстро привыкают, хотя тут не на что смотреть, кроме камней и тени соседних деревьев. И человеческий силуэт, сидящий на корточках рядом с тобой.

Хоа ласково берет в руки твою каменную кисть, почти благоговейно. Вопреки себе ты ощущаешь торжественность момента. А почему бы ему и не быть торжественным? Это жертвоприношение, которого требуют обелиски. Фунт плоти, который ты должна заплатить за кровавый долг твоей дочери.

– Это не то, что ты думаешь, – говорит Хоа, и на мгновение тебе кажется, что он читает твои мысли. Но скорее всего это потому, что он стар, как эти сухие холмы, и читает по выражению твоего лица. – Ты видишь в нас то, что было потеряно, но мы и приобретаем. Это не такая мерзкая вещь, как кажется.

Похоже, он собирается съесть твою руку. Ты не против, но хочешь понять.

– Тогда что? Почему... – Ты качаешь головой, не зная даже, о чем спрашивать. Может, *почему* не имеет значения. Может, ты не сможешь понять. Может, это не предназначено для тебя.

– Это не ради пропитания. Нам нужна только жизнь, чтобы жить.

Последняя половина его высказывания тоже бессмысленна, так что ты цепляешься за первую.

Если это не пища, то...

Хоа снова медленно передвигается. Камнееды нечасто так поступают. Движение – то, что подчеркивает их загадочность, такое человеческое и в то же время дико чуждое. Было бы легче, если бы они были более чужими. Когда они вот так двигаются, ты видишь то, чем они некогда были, и это знание – угроза и предупреждение всему человеческому в тебе.

И все же. *Ты видишь в нас то, что было утрачено, но мы и приобретаем.*

Он поднимает твою руку обеими своими, одной поддерживая твой локоть и легко охватывая пальцами твой сжатый потрескавшийся кулак. Медленно, медленно. Так твоему плечу не больно. На полпути к лицу он передвигает руку, которая была у тебя под локтем, чтобы поддерживать твое плечо под мышкой. Его камень скользит по твоему с легким скрежетом. Это удивительно чувственно, хотя ты не можешь ничего ощущать.

Затем твой кулак у его губ. Они не шевелятся, когда он говорит исходящим из груди голосом:

– Ты боишься?

Ты долго думаешь над этим. А разве не должна бы? Но...

– Нет.

– Хорошо, – отвечает он. – Я делаю это ради тебя, Иссун. Все ради тебя. Ты веришь?

Поначалу ты не знаешь. Повинуясь порыву, ты поднимаешь руку и проводишь пальцами здоровой руки по его твердой, холодной, полированной щеке. Его трудно рассмотреть, черного в темноте, но твой большой палец нащупывает его лоб и проводит по его носу, который во взрослом состоянии длиннее прежнего. Он сказал тебе однажды, что считает себя человеком, несмотря на свое странное тело. Ты запоздало осознаешь, что ты тоже решила смотреть на него как на человека. Это превращает его действие в нечто иное, чем просто поедание. Ты не уверена, во что именно, но... но это ощущается как дар.

– Да, – говоришь ты. – Я верю тебе.

Его рот раскрывается. Широко, еще шире, шире, чем может открыться любой человеческий рот. Когда-то тебя беспокоило, что у него слишком маленький рот, теперь он достаточно широк, чтобы вместить кулак. И какие у него зубы – маленькие, ровные, прозрачные, как алмаз, очаровательно блестящие в красноватом вечернем свете. За этими зубами одна тьма.

Ты закрываешь глаза.

* * *

Она была в дурном настроении. Старость, сказал мне один из ее детей. Она же сказала, что это просто стресс после попытки предупредить людей, которые не пожелали слушать, что грядут плохие времена. Это было не дурное настроение, это была привилегия ее возраста – обходиться без ложной вежливости.

– В этой истории нет злодея, – сказала она. Мы сидели в шатровой теплице, единственной теплице, потому что она настояла. Скептики Сила до сих пор утверждают, что нет доказательств тому, что все случится так, как сказала она, но она ни разу не ошиблась в своих предсказаниях, и она больше Сил, чем они. Она пила сеф, словно подчеркивая правду химикатами.

– Нельзя указать на единственное зло, единственный момент, когда все меняется, – продолжала она. – Бывало плохо, потом ужасно, потом лучше и потом снова плохо, и все повторялось и повторялось, потому что некому было этого остановить. Но события можно... подправить. Увеличить срок лучшего, предсказывать и укорачивать ужасное. Иногда предотвращать ужасное, улаживая просто плохое. Я перестала пытаться остановить людей. Просто научила моих детей помнить, учить и выживать... пока кто-нибудь в конце концов не разорвет этот круг ради блага.

Я был смущен.

– Вы говорите о Выжигании? – В конце концов, я именно об этом пришел говорить. Сто лет, предсказала она полвека назад. Что еще имело значение?

Она лишь улыбнулась.

– *Расшифровка интервью, перевод с языка Строителей обелисков С, найденная на плато Тапита, руины #723 Минаш Инноватором Дибарс. Дата неизвестна, переводчик неизвестен. Предположение: первый лорист? Личное примечание: Бастер, ты должен там побывать. Повсюду сокровища истории, большинство слишком разрушены для дешифровки, но все же... Жаль, что тебя здесь нет.*

2

Нэссун вырывается на свободу

НЭССУН СТОИТ НАД ТРУПОМ отца, если возможно назвать эту грудку колотых драгоценных камней трупом. Ее пошатывает, голова кружится из-за обильно кровоточащей раны в плече, там, куда всадил нож ее отец. Этот удар – результат невозможного выбора, который он поставил перед ней: быть его дочерью или орогеном. Она отказалась совершать экзистенциальное самоубийство. Она отказалась платить орогением за право жить. В этот финальный момент ни в ком из них не было злобы, лишь мрачная жестокость неизбежности.

В стороне от этого зрелища стоит Шаффа, Страж Нэссун, который неотрывно смотрит на останки Джиджи Стойкости Джекити со смесью изумления и холодного удовлетворения. По другую сторону Нэссун стоит Сталь, ее камнеед. Теперь вполне возможно называть его так – ее камнеед, поскольку он пришел к ней в час ее беды – не ради помощи, нет-нет, но тем не менее с чем-то значимым для нее. То, что он предлагает и необходимость чего она, наконец, осознает, – это *цель*. Даже Шаффа не дал ей этого, но это потому, что Шаффа любит ее несмотря ни на что. Ей нужна такая любовь тоже, о, как нужна, но сейчас, когда ее сердце так жестоко разбито, когда ее мысли вразброд, ей крайне нужно что-то более... твердое.

Она получит ту твердость, которой желает. Она будет сражаться за нее и убивать ради нее, поскольку ей приходилось делать это снова и снова, и это вошло в привычку, и, если ей повезет, она умрет ради этого. В конце концов, она дочь своей матери – и лишь народ, который думает, что у них есть будущее, боится смерти. В здоровой руке Нэссун пульсирует трехфутовый заостренный кристалл, темно-синий и прекрасно ограненный, хотя и с небольшой деформацией возле основания, сформировавшейся в подобие рукояти. То и дело этот странный длинный кинжал переходит в прозрачное, неосязаемое, спорно реальное состояние. Оно весьма реально – только концентрация Нэссун не дает этой штуке в ее руке превратить ее в цветной камень, как ее отца.

Она боится того, что может случиться, если она упадет в обморок от потери крови, так что она с удовольствием отправила бы сапфир в небо, чтобы тот вернулся к своей основной форме и чудовищным размерам, – но не может. Пока нет.

Есть еще две причины – они стоят в дверях спальни. Умбра и Нида, двое других Стражей Найденной Луны. Они следят за ней, и, когда ее взгляд падает на них, нити серебра, переплетенные между ними, вспыхивают. Нет обмена ни словами, ни взглядами, просто это немое общение, которого Нэссун и не заметила бы, не будь она тем, что она есть. Под каждым Стражем тонкие серебряные узы, извиваясь, входят в их стопы, вплетаются в мерцание нервов и вен их тела и тянутся к крохотным кусочкам железа, вживленным в их мозг. Эти тонкие нити-корни всегда были здесь, но, возможно, именно напряженность момента заставляет Нэссун увидеть, наконец, насколько *толсты* эти нити света в каждом Страже – куда толще, чем те, что связывают с землей Шаффу. И наконец она понимает, что это значит: Умбра и Нида лишь марионетки чьей-то более сильной воли. Нэссун пыталась верить в лучшее в них, что они сами по себе, но здесь, сейчас, с сапфиром в руке и мертвым отцом у ее ног... иногда зрелость не может ждать подходящего времени года.

Нэссун вонзает торус глубоко в землю, поскольку знает, что Умбра и Нида это почувствуют. Это обман – ей не нужна сила земли, и она подозревает, что они это знают. И все же они реагируют – Умбра разводит руки, и Нида, привалившаяся спиной к косяку, выпрямляется. Шаффа тоже реагирует, его взгляд встречается с ней. Неизбежно, что Умбра и Нида заметят, но тут ничего не поделать; в мозгу Нэссун нет ни куска Злого Земли, облегчающего общение. Но где не срабатывает суть, свое берет забота. Он говорит:

– Нида, – и это все, что ей нужно.

Умбра и Нида двигаются. Быстро – очень быстро, – поскольку серебристая решетка внутри каждого укрепила их кости и натянула волокна их мышц так, что они могут делать то, чего не может обычная плоть. Перед ними с неотвратимостью бури катится волна подавления, немедленно поражая главные доли сэссапин Нэссун онемением, но она уже в обороне. Не физически, в этой битве она им не соперник, да и едва стоит на ногах. Ей остались лишь воля и серебро.

Потому Нэссун – тело ее спокойно, ее разум неистов – хватает серебристые нити из воздуха вокруг себя и свивает грубую, но эффективную сеть. (Она никогда не делала такого прежде, но никто и не говорил ей, что так нельзя.) Она набрасывает часть ее на Ниду, не обращая внимания на Умбру, поскольку так сказал Шаффа. И в следующее мгновение она понимает, почему он велел ей сосредоточиться лишь на одном из Стражей. Серебро, которое она спряла вокруг Нида, должно было бы крепко связать ее, как насекомое, влипшее в паутину. Вместо этого Нида резко останавливается, затем смеется, когда нити *чего-то еще* выбрасываются из нее и бьют по воздуху, рассекая сеть вокруг нее. Она снова бросается на Нэссун, но та – после испуга от скорости и эффективности реакции Стража – поднимает камень из земли и пронзает стопу Нида. Это лишь ненадолго тормозит ее. Она рвется вперед, ломая осколки камня, которые продолжают торчать из ее ботинок. Пальцы одной ее руки сложены как когти, другая кисть сложена как плоский клинок. Какой рукой первой дотянется, так и будет рвать Нэссун.

Здесь Нэссун паникует. Лишь чуточку, поскольку иначе потеряет контроль над сапфиром, – но все же. Она ощущает сырое, голодное, хаотическое дрожание серебряных нитей в теле Нида, она никогда не чувствовала подобного, и это почему-то внезапно пугает. Она не знает, что сделает с ней эта странная дрожь, если Нида хоть чем-то коснется обнаженной кожи Нэссун. (Ее мать-то знает.) Она отступает на шаг, желая, чтобы сапфировый длинный кинжал передвинулся в оборонительное положение между ней и Нидой. Ее здоровая рука все еще на рукояти сапфира, так что это выглядит, будто она размахивается – слишком медленно и дрожа. Нида снова смеется – высоким голосом, с удовольствием, поскольку обе они видят, что даже сапфира будет недостаточно, чтобы остановить ее. Нида выбрасывает вперед руку, сложенную когтистой лапой, ее пальцы распластываются по щеке Нэссун, когда она уклоняется, как змея, от дикого замаха Нэссун – Нэссун роняет сапфир и кричит, ее онемевшие сэссапины отчаянно, беспомощно сокращаются...

Но все Стражи забыли об еще одном страже Нэссун. Сталь словно не двигается. Последнее несколько минут он стоит спиной к груди, бывшей Джиджей, с безмятежным лицом, ослабленный, глядя на северный оком. В следующее мгновение он уже ближе, прямо рядом с Нэссун, перенесшись так быстро, что Нэссун слышит резкий хлопок воздуха. И движение Нида вперед резко останавливается, поскольку ее глотка крепко зажата в кольце поднятой руки Стали.

Она вопит. Нэссун часами слушала ее бессвязную болтовню дребезжащим голосом, и, возможно, это заставило ее думать о Ниде как о певчей птичке, болтливой, щебечущей и безобидной. Этот вопль – крик хищника, чья дикость превратилась в ярость из-за того, что ей не дали обрушиться на добычу. Она пытается вырваться, рискуя ободрать кожу и порвать связки, но хватка Стали крепка как камень. Она попалась.

Звук откуда-то сзади заставляет Нэссун резко обернуться. В десяти футах позади нее Умбра и Шаффа размыто слились в поединке. Она не может видеть, что происходит. Оба двигаются чересчур быстро, бьют стремительно и жестоко. Когда ее уши ловят звук удара, они уже в другом положении. Она даже не может сказать, что они делают, – но она боится, так боится за Шаффу. Серебро в Умбре течет рекой, сила постоянно поступает в него через эти блестящие корни. Однако в Шаффе это течение тоньше, как цепь стремнин и заторов, дергающая

его нервы и мышцы и непредсказуемо вспыхивающая в попытках отвлечь его. По сосредоточенному лицу Шаффы Нэссун видит, что *он* все еще держит ситуацию под контролем, и что именно это спасло его; его движения непредсказуемы, стратегически рассчитаны, выверены. И все же. Потрясающе, что он вообще может сражаться. И то, как он заканчивает бой, когда его рука по запястье входит под челюсть Умбры, ужасает.

Умбра издает ужасающий звук, замирает – но мгновением позже его рука снова устремляется к глотке Шаффы, размываясь от скорости движения.

Шаффа ахает – так коротко, что это может быть просто вздох, но Нэссун слышит в этом предупреждение – и отводит удар, но Умбра все же двигается, хотя глаза его закатились, а движения дерганные и неуклюжие. Нэссун осознает – Умбры уже нет в его теле. Что-то иное управляет его конечностями и рефлексам, пока жизненно важные связи не разрушены. И да – в следующее мгновение Шаффа бросает Умбру наземь, вырывает свою руку из его тела и растаптывает голову противника.

Нэссун не может смотреть. Она слышит хруст – этого довольно. Она слышит, что Умбра еще дергается, движения его более слабые, но упорные, и она слышит слабый шорох одежды Шаффы, когда тот наклоняется. Затем она слышит то, что ее мать в последний раз слышала в той маленькой комнатке в крыле Стражей в Эпицентре: треск кости и звук рвущихся хрящей, когда Шаффа погружает пальцы в основание разможенного черепа Умбры.

Нэссун не может закрыть уши, потому она фокусируется на Ниде, которая все еще пытается вырваться из несокрушимой хватки Стали.

– Я... я... – пытается заговорить Нэссун. Ее сердце лишь чуть успокоилось. Сапфир еще сильнее дрожит в ее руках. Нида все еще хочет убить ее. Стали, который показал себя лишь как возможный, а не определенный союзник, нужно всего лишь ослабить хватку, и Нэссун умрет. Но. – Я н... не хочу убивать тебя, – выдавливает она. Это даже правда.

Нида резко замирает и замолкает. Ярость постепенно превращается в отсутствие выражения лица.

– Оно сделало то, что должно было сделать, в последний раз, – говорит она.

По коже Нэссун бегут мурашки, когда она осознает, что поменялось нечто неосязаемое. Она не уверена, что именно, но больше она не думает о Ниде как о совсем Ниде. Она сглатывает.

– Что сделало? Кто?

Взгляд Нида падает на Сталь. Слышится слабый скрежет, когда губы Стали раскрываются в широкой зубастой улыбке. И прежде, чем Нэссун успевает придумать очередной вопрос, рука Стали поворачивается, не размывается – неестественно медленно, словно имитирует движение человека. (Или пародирует.) Он притягивает к себе руку и вращает кистью так, чтобы развернуть Нида спиной к себе. Поднимает ее затылок к своему рту.

– Он в гневе, – спокойно продолжает Нида, хотя сейчас ее лицо отвернуто и от Стали, и от Нэссун. – Но даже сейчас он, возможно, готов уступить, простить. Он требует правосудия, но...

– Он уже тысячу раз получил свое правосудие, – говорит Сталь. – Больше я ничего не должен. – Затем он широко распахивает рот.

Нэссун снова отворачивается. Утром, когда она превратила собственного отца в груды осколков, некоторые вещи все еще остаются слишком непристойными для ее детских глаз. По крайней мере, Нида больше не шевелится, когда Сталь бросает ее труп на землю.

– Мы не можем оставаться здесь, – говорит Шаффа. Когда Нэссун с трудом сглатывает и фокусирует взгляд на нем, она видит, что он стоит над трупом Умбры, держа что-то маленькое и острое в окровавленной руке. Он смотрит на этот предмет с той же холодной отстраненностью, с которой бросается на тех, кого намерен убить. – Придут другие.

Сквозь ясность почти предсмертного выброса адреналина Нэссун понимает, что он говорит о других оскверненных Стражах – и не наполовину, как сам Шаффа, который как-то умудрился сохранить хоть какую-то свободную волю. Нэссун сглатывает и кивает, ощущая себя спокойнее, когда больше никто активно не пытается убить ее.

– А к... как остальные дети?

Некоторые из этих самых детей стоят на пороге спальни, пробужденные толчком сапфира, когда Нэссун призвала его в форме длинного кинжала. Нэссун понимает, что они видели все. Один-двое плачут, видя гибель своих Стражей, но большинство просто смотрят на Шаффу в немом шоке. Одного из младших рвет прямо на ступенях.

Шаффа долго смотрит на них, затем искоса на нее. Холодность все еще не ушла, говоря о том, чего не слышно в его голосе.

– Им надо быстро покинуть Джеkitи. Без Стражей местные вряд ли потерпят их присутствие. – Или Шаффа может их убить. Так он поступал со всеми неподконтрольными ему орогенами, которых они встречали. Либо они принадлежат ему, либо они угроза.

– Нет, – выпаливает Нэссун. Она обращается к этой молчаливой холодности, а не противится словам Шаффы. Холодность чуть усиливается. Шаффа не любит, когда она говорит «нет». Она делает глубокий вздох, чуть успокаивается и поправляет себя.

– Пожалуйста, Шаффа. Я просто... не перенесу.

Это чистое лицемерие. Решение, недавно принятое Нэссун, молчаливое обещание над трупом отца, изобличает ее. Шаффа не может знать, что она решила, но краем глаза она с болью ловит окровавленную усмешку Стали. Она сжимает губы. Она не лжет. Она не может вынести жестокости, этого бесконечного страдания, речь об этом. То, что она решила сделать, будет сделано, и, если ничего не помешает, быстро и милосердно.

Шаффа мгновение смотрит на нее. Затем чуть морщится, резко, как часто с ним бывает в последние недели. Когда спазм проходит, он натягивает улыбку и подходит к ней, хотя сначала крепко сжимает кусочек металла, вырванного из Умбры.

– Как твое плечо?

Она трогает его. Ткань рукава ее ночной сорочки пропитана кровью, но кровь не струится, и она может двигать рукой.

– Болит.

– Боюсь, будет болеть некоторое время. – Он оглядывается по сторонам, затем встает и идет к трупу Умбры. Отрывает один из рукавов его рубашки – тот, который не так заляпан кровью, как другой, с отстраненным облегчением замечает Нэссун, – подходит и закатывает ее рукав, затем помогает ей завязать ткань вокруг плеча. Туго заматывает. Нэссун знает, что это хорошо, и, вероятно, рану не придется зашивать, но на миг боль усиливается, и она опирается на него. Он позволяет ей это, гладит ее по волосам свободной рукой. Нэссун замечает, что в окровавленной он крепко сжимает кусочек металла.

– Что ты будешь с ним делать? – спрашивает Нэссун, глядя на его сжатый кулак. Она не может отделаться от впечатления, что там что-то злое выпускает и втягивает щупальца, ища кого-то еще, чтобы заразить его волей Злого Земли.

– Не знаю, – тяжело говорит Шаффа. – Для меня оно неопасно, но я помню, что в... – Он на миг сдвигает брови, явно пытаясь поймать погибшие воспоминания. – Что когда-то где-то мы просто перерабатывали их. Здесь, думаю, я найду какое-нибудь пустынное место и выброшу его, надеюсь, что в скором времени на него никто не наткнется. А ты что будешь делать вот с *этим*?

Нэссун следует за его взглядом, где сапфировый длинный кинжал сам по себе заплыл ей за спину и завис в воздухе в футах от ее спины. Он чуть передвигается, следуя за ее движениями, и еле слышно гудит. Она не понимает, почему он так себя ведет, хотя его смутная, дремлющая сила придает ей уверенности.

– Надо будет убрать его назад.

– Как ты?..

– Он просто был мне нужен. Он знал, что мне было нужно, и изменился ради меня. – Нэссун слегка пожимает плечами. Так трудно объяснять это словами. Затем она хватается за его рубашку здоровой рукой, потому что знает, что если Шаффа не отвечает – это плохой признак. – Остальные, Шаффа.

Наконец он вздыхает.

– Я помогу им собрать рюкзаки. Идти можешь?

Нэссун испытывает такое облегчение, что сейчас могла бы полететь.

– Да. Спасибо. Спасибо тебе, Шаффа!

Он качает головой, явно сожалея, затем снова улыбается.

– Иди в дом твоего отца и собери все полезное, что можно унести, малышка. Я приду туда к тебе.

Она медлит. Если Шаффа решил убить остальных детей в Найденной Луне... Он же не станет? Он же сказал, что не станет.

Шаффа останавливается, подняв бровь над улыбкой, изображая вежливый спокойный вопрос. Это иллюзия. Серебро все еще хлещет Шаффу, пытаясь заставить его убить ее. Наверняка он испытывает чудовищную боль. Но он противится кнуту, как уже много недель. Он не убьет ее потому, что любит. И если она не может доверять ему, то вообще никому нельзя.

– Хорошо, – говорит Нэссун. – Встретимся у папы.

Отодвинувшись от него, она видит Сталь, который тоже повернулся к Шаффе. За последние несколько секунд Сталь убрал кровь с губ. Она не знает, как. Но он протянул одну серую руку к ним – нет. К Шаффе. Шаффа склоняет голову набок в этот момент, раздумывает, а в следующее мгновение кладет окровавленную железку в руку Стали. Рука Стали мгновенно смыкается, затем раскрывается – медленно, словно показывая фокус. Но железки нет.

Шаффа вежливо склоняет голову в знак благодарности.

Два ее чудовищных защитника, которым приходится сотрудничать ради нее. Но разве Нэссун сама не чудовище? Поскольку как раз перед тем, как Джиджа пришел убить ее, она ощутила это – этот пик чудовищной мощи, концентрированной и усиленной десятками работающих вместе обелисков. Сталь назвал это Вратами Обелисков: это обширный и сложный механизм, созданный мертвой цивилизацией ради какой-то непостижимой цели. Сталь также упоминал нечто, именуемое Луной. Нэссун слышала эти сказки – когда-то давным-давно у Отца-Земли было дитя. И потеря его разгневала Землю и породила Пятое время года.

В сказках была невероятная надежда и бессмысленная экспрессия, которые лористы используют ради того, чтобы заинтриговать слушателей. *Однажды, если дитя Земли вернется...* То есть когда-нибудь Отца-Землю можно будет в конце концов умиловать. Однажды Зимы закончатся, и в мире все будет правильно.

Только вот отцы все равно будут пытаться убивать своих детей-орогенов, не так ли? Даже если Луна вернется. Ничто не прекратит этого.

Верни Луну, сказал Сталь. Прекрати страдания мира.

На самом деле некоторый выбор вовсе и не выбор.

Нэссун желает, чтобы сапфир снова завис перед ней. Она не эссит ничего из-за последствий подавления Ниды и Умбры, но есть и иные пути ощущать мир. И среди мерцания неводы сапфира, когда он уничтожает и воссоздает себя из концентрированной неохватности серебряного света, запасенного в его кристаллической решетке, таится подспудное послание, написанное уравнениями силы и равновесия, которое Нэссун решает инстинктивно, не при помощи математики.

Далеко. За неведомым морем. Ее мать держит ключи от Врат Обелисков, но на засыпанных пеплом дорогах Нэссун научилась другим способом открывать любые врата – ломать

петли, перебираться сверху или подкапываться. И далеко, на другой стороне мира, есть место, где контроль Иссун над Вратами может быть ниспровергнут.

– Я знаю, куда нам надо идти, Шаффа, – говорит Нэссун.

Он смотрит на нее пару мгновений, переводя взгляд с нее на Сталь.

– Знаешь?

– Да. Но это действительно долгий путь. – Она закусывает губу. – Ты пойдешь со мной?

Он склоняет голову с широкой искренней улыбкой.

– Куда угодно, моя малышка.

Нэссун испускает долгий вздох облегчения и неуверенно улыбается в ответ. Затем она решительно поворачивается спиной к Найденной Луне с ее трупами и спускается по холму, ни разу не обернувшись.

* * *

2729 по Имперскому исчислению: свидетели из общины Аманд (квартент Дибба, запад Северного Срединья) сообщают о неизвестной рогге, открывшей газовую каверну возле городка. Непонятно, что это был за газ – убивал ли в секунды, язык становился лиловым, он был удушающим или ядовитым? И то, и другое? По сообщениям, другая рогга каким-то образом остановила первую и загнала газ назад в жерло и запечатала. Граждане Аманды застрелили обеих как можно быстрее, чтобы предотвратить дальнейшие инциденты. Эпицентр оценил газовую каверну как существенную – достаточно, чтобы убить большую часть населения и скота в западной половине Северного Срединья с последующим заражением почвы. Первая рогга была семнадцати лет, отреагировала на преследователя младшей сестры. Та, что ее усмирила, была семи лет, сестрой первой.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс

Сил Анагист: Пять

– ХОУВА, – ГОВОРИТ ГОЛОС У МЕНЯ ЗА СПИНОЙ.

(У меня? У меня.)

Я отворачиваюсь от жгучего окна и сада подмигивающих цветов. Рядом с Гэвой и одним из проводников стоит какая-то женщина. Я ее не знаю. С виду она одна из них – мягкая кожа, вся коричневая, серые глаза, темно-коричневые, выющиеся локонами волосы, высокая. В ширине ее лица есть намеки на *инаковость* – или, возможно, рассматривая эти воспоминания сквозь призму тысячелетий, я вижу то, что хочу видеть. Не имеет значения то, как она выглядит. Для моих сэссапин ее родство с нами столь же очевидно, как пушистые белые волосы Гэвы. Ее давление на окружающую среду проявляется как взвихренная, невероятно тяжелая, непреодолимая сила. Это делает ее настолько одной из нас, как если бы она была осажена из той же самой биомагестрической смеси.

(Ты похожа на нее. Нет. Это я *хочу*, чтобы ты была похожа на нее. Это нечестно, хотя и верно – ты действительно похожа на нее, но иначе, не просто внешне. Прости, что я так принизил тебя.)

Проводник говорит, как все они, тонкими вибрациями, которые проходят по воздуху и едва беспокоят землю. *Словами*. Я знаю словоимение этой проводницы, Фейлен, а еще знаю, что она одна из самых приятных, но это знание мертво и неопределенно, как многое в их отношении. Очень долгое время я не мог отличить одного из них от другого.

Они выглядят по-разному, но у них одно и то же не-присутствие в окружающем. Мне по-прежнему приходится себе напоминать, что текстура их волос, и разрез глаз, и уникальный запах тела имеют для них такое же значение, как дрожь тектонических плит для меня.

Я должен уважать их различия. Мы, в конце концов, неполноценны, лишены многого, что сделало бы нас людьми. Это было необходимо, и я не жалею о том, чем я являюсь. Но многое было бы проще, если бы я мог лучше понимать наших создателей.

Итак, я смотрю на новую женщину, нашу-женщину, и пытаюсь обращать внимание на то, как проводник *представляет* ее. Представление – ритуал, который состоит из объяснения звуков имен и взаимоотношений... семьи?

Профессий? Честно, не знаю. Я стою там, где мне полагается стоять, и говорю то, что должен говорить. Проводник говорит новой женщине, что я Хоува, а Гэва – это Гэва, эти словоимена они используют для обозначения нас. Новая женщина, говорит проводник, зовется Келенли. Это тоже неправильно.

На самом деле ее имя – *глубокое пронзание, сладостный прорыв праха, мягкая кремниевая подложка, реверберация*, но я попытаюсь запомнить это «Келенли», когда буду использовать слова для разговора.

Проводница выглядит довольной, когда я говорю «как поживаете» когда положено. Я доволен – это *представление* очень сложно, но я усердно трудился, чтобы овладеть этим. После этого она начинает разговаривать с Келенли. Когда становится понятно, что направляющему больше нечего мне сказать, я захожу на спину Гэве и начинаю заплетать ее густую пушистую гриву. Проводникам, похоже, нравится, когда мы это делаем, хотя я не знаю, почему. Один из них сказал, что «так мило» видеть, как мы заботимся друг о друге, прямо как люди. Не уверен, что понимаю, что такое «мило».

А тем временем я слушаю.

– Просто не имеет смысла, – вздыхает Фейлен. – То есть цифры не лгут, но...

– Если вы хотите зарегистрировать протест... – начинает Келенли. Ее слова поражают меня так, как никогда прежде. В отличие от проводницы, ее голос имеет вес и текстуру, глубокие, как пласты, и многослойные. Она посылает слова в землю, когда говорит, как мыслен-

ную речь. От этого они ощущаются более реальными. Фейлен, которая, похоже, не замечает, насколько глубоки слова Келенли – или, возможно, ей все равно, – делает раздраженное лицо, реагируя на то, что она сказала. Келенли повторяет: – *Если* вы хотите, я могу попросить Галлату удалить меня из списка.

– И слушать его вопли? Злая Смерть, его же не заткнешь. У него же бешеный темперамент. – Фейлен улыбается. Это не приятно удивленная улыбка. – Для него это должно быть трудно – он хочет, чтобы проект удался, но в то же время хочет вас удержать... ладно. *Лично мне* нормально, если вы будете лишь в резерве, но я же не видела данных моделирования.

– Я видела, – весело говорит Келенли. – Риск задержки или отказа мал, но не равен нулю.

– Ну вот. Даже малый риск – слишком много, если мы можем что-то с этим сделать. Думаю, они обязаны быть осторожнее и допускать ваше вмешательство... – Внезапно Фейлен становится растерянной. – Ой... простите. Не хотела обидеть вас.

Келенли улыбается. И я, и Гэва можем видеть, что это лишь поверхностный слой, не настоящее ощущение.

– Я не обиделась.

Фейлен облегченно выдыхает.

– Хорошо, я сейчас уйду в Наблюдательную и оставлю вас троих знакомиться. Постучите, когда закончите.

С этими словами направляющая Фейлен покидает комнату. Это хорошо, поскольку, когда их нет рядом, мы можем разговаривать свободнее. Двери закрываются, и я поворачиваюсь лицом к Гэве (которая на самом деле *адюльтесцентный вкус солей треснувшей эеоды, тающее эхо*). Она еле заметно кивает, поскольку я правильно угадал, что у нее есть что-то важное для меня. За нами постоянно наблюдают. Так что некоторая игра необходима. Гэва говорит гром:

– Координатор Фейлен сказала мне, что они готовят изменение нашей конфигурации. – Остальной собой она говорит – атмосферными пертурбациями и тревожным подергиванием серебристых нитей: *Тетлеву перевели в терновую роуцу*.

– Перемена на таком позднем сроке? – Я смотрю на нашу-женщину, Келенли, чтобы понять, слышит ли она весь разговор. Она так похожа на них, вся цветная на поверхности, и эти длинные кости, из-за которых она на голову выше нас. – Вы как-то связаны с проектом? – спрашиваю я ее, в то же время отвечая Гэве на ее новости по поводу Тетлевы: *Нет*.

Мое «нет» не является отрицанием, это просто констатация факта. Мы по-прежнему можем детектировать знакомое *бурление горячей точки и поднятие пласта, скрежет оседания грунта* Тетлевы, но... что-то изменилось. Он уже не поблизости или, по крайней мере, он не в пределах нашего сейсмического запроса. И его бурление и скрежет почти затихли.

Списание – проводники предпочитают использовать это слово, когда одного из нас удаляют со службы. Они расспрашивали нас, каждого в отдельности, что мы чувствуем, когда случаются такие перемены, поскольку это нарушение нашей сети. По немоу соглашению все мы говорим об ощущении потери – отдалении, истощении, ослаблении силы сигнала. По негласной договоренности все мы не говорим об остальном, да и все равно это не описать словами направляющих. Мы испытываем обжигающее ощущение, зуд по всему телу и *рассытающееся сопротивление узла* древнего до-сил-анагистского провода, какие мы порой встречаем во время нашего исследования земли, ржавого и острого от разрушения и неиспользованного потенциала.

Что-то вроде этого.

Кто отдал приказ? Я хочу знать.

Гэва стала медленной дефектной рябью суровых, разочарованных, смятенных узоров. *Проводник Галлат. Остальных проводников это разозлило, и некоторые передали это наверх,*

и потому сюда и прислали Келенли. Для удержания оникса и лунного камня пришлось задействовать всех нас. Их беспокоит наша стабильность.

Я раздраженно отвечаю: *Возможно, им следовало подумать об этом раньше...*

– Да, я связана с проектом, – прерывает нас Келенли, хотя это не было прерыванием вербального общения. Слова очень медленны по сравнению с земноречью. – У меня, понимаете ли, есть некое магическое чутье и способности, как у вас. – Затем она добавляет: *Я здесь, чтобы учить вас.*

Она переключается между речью проводников и нашей земноречью так же легко, как и мы. Ее общение представляется как *лучистый, тяжелый металл, обжигающие кристаллизированные магнитные линии метеоритного железа*, и еще более сложные слои под этим, и оно такое острое и мощное, что мы с Гэвой изумленно втягиваем воздух.

Но что она говорит? Учить нас? Нас не нужно учить. Мы были сделаны уже знающими почти все, что нам нужно знать, а остальное мы узнали за первые несколько недель нашей жизни вместе с сородичами-настройщиками. В противном случае нас бы тоже отослали в терновую рошу.

Я делаю хмурое лицо.

– Как вы можете быть настройщицей вроде нас? – Это ложь, сказанная для наших наблюдателей, которые видят только поверхность вещей и думают, что мы тоже. Она не белая, как мы, не маленькая и не странная, но мы узнали, что она наша, как только ощутили катаклизм ее присутствия. Во мне нет неверия, что она не одна из нас. Я не могу не верить неоспоримому.

Келенли улыбается, чуть криво, улавливая ложь.

– Не совсем как вы, но достаточно близко. Вы – заверченный шедевр, я – модель.

Нити магии в земле нагреваются и дрожат эхом и добавляют иное значение. *Прототип*. Контроль для нашего эксперимента, сделанный заранее, чтобы посмотреть, какими нас надо было бы сделать. У нее есть лишь одно отличие, вместо множества, которыми обладаем мы. У нее есть наши тщательно разработанные сессапины. Этого достаточно, чтобы выполнить задачу? Уверенность ее земного присутствия говорит – да. Она продолжает словами:

– Я не первая из созданных. Просто первая из выживших.

Все мы проводим в воздухе рукой, отгоняя Злую Смерть. Но я позволяю себе выглядеть так, словно я не понимаю, словно не могу решить, смеем ли мы ей верить. Я видел, как проводники беспечны по отношению к ней. Фейлен одна из приятных, но даже она никогда не забывает, кто мы такие. Но про Келенли она забыла. Возможно, все люди думают, что она одна из них, пока им не скажут. Каково это, ощущать, что к тебе относятся как к человеку, и знать, что ты не человек? И еще они оставили ее с нами наедине. С нами они обходятся как с оружием, которое в любой момент может дать осечку... но они доверяют ей.

– И сколько фрагментов ты настроила на себя? – вслух говорю я, словно это имеет значение. Это еще и вызов.

– Только один, – говорит Келенли. Но она продолжает улыбаться. – Оникс.

О. О, это *имеет* значение. Мы с Гэвой изумленно и встревоженно переглядываемся, прежде чем снова повернуться к ней.

– И здесь я потому, – продолжает Келенли, внезапно желая передать нам эту информацию лишь словами, что каким-то извращенным способом подчеркивает их значение, – что отдан приказ. Эти фрагменты находятся в состоянии оптимальной емкости и готовы к производительному циклу. Сердечник и Нулевая Точка оживут в течение двадцати восьми дней. Мы в конце концов запускаем Планетарный Движитель.

(За десятки тысяч лет, когда люди много раз забывали, что такое «двигатель», и знали фрагменты только под названием «обелиски», то, что сейчас руководит нашей жизнью, будет известно под другим названием. Его будут называть *Вратами Обелисков*, что более поэтично и изящно-примитивно. Мне это название нравится больше.)

В настоящем же, когда мы с Гэвой стоим и палимся на нее, Келенли роняет последнее сотрясение в вибрации между нашими клетками:

Это значит, что у меня осталось меньше месяца, чтобы показать вам, кто вы такие на самом деле. Гэва хмурится. Я умудряюсь не показать реакции, поскольку проводники наблюдают за нашими телами и лицами, но это узкий диапазон. Я очень сбит с толку и немало взволнован. Во время этого разговора я понятия не имею, что это начало конца.

Потому что мы, настройщики, не орогены, понимаешь ли. Орогения – это то, чем наше отличие от всех станет через много поколений приспособления к изменяющемуся миру. Вы менее глубоки, более специализированы, вы более натуральная дистилляция нашей столь ненатуральной странности. Лишь немногие из вас, вроде Алебастра, когда-либо приблизятся к нашему могуществу и многогранности, но это потому, что мы искусственно созданы с конкретной целью, как и те фрагменты, которые вы называете обелисками. Мы тоже фрагменты гигантской машины – и еще мы триумф генджинерии, биомагестрии и геомагестрии и прочих дисциплин, которым в будущем не будет названия. Своим существованием мы славим мир, создавший нас, как любая статуя, или скипетр, или любой другой бесценный предмет.

Мы не обижены этим, поскольку наше мнение и опыт тоже тщательно сконструированы. Мы не понимаем, что Келенли пришла дать нам ощущение *принадлежности к человечеству*. Мы не понимаем, почему до сих пор нам был запрещен этот концепт себя... но мы поймем.

И тогда мы поймем, что *человек* не может быть *собственностью*. А поскольку мы и то и другое и так не должно быть, в нас созреет некий новый концепт, хотя мы никогда не слышали слова для него, потому что проводникам запрещено даже упоминать его при нас. *Революция*.

Ладно. Мы в любом случае не очень-то пользуемся словами. Но это именно то. Начало. Ты, Иссун, увидишь конец.

3

Ты, в дисбалансе

ТЕБЕ ТРЕБУЕТСЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, чтобы достаточно оправиться и стать способной идти самой. Как только это происходит, Юкка забирает твоих носильщиков на другие задания, и тебе приходится ковылять, слабой и неуклюжей от потери руки. Первые несколько дней ты тащишься далеко позади основной группы, добираясь до лагеря через несколько часов после того, как они устраиваются на ночь. К тому времени, когда ты приходишь за своей долей, мало что остается от общинной еды. Хорошо, что ты больше не чувствуешь голода. Также остается мало места, чтобы раскатать свой спальник – хотя тебе все же дали аптечку первой помощи и припасы взамен твоего потерянного дорожного рюкзака.

Оставшиеся места не слишком хороши, в основном по краям лагеря или не на дороге, где сильнее угроза нападения хищника или неприкаянного. Но ты все равно засыпаешь там, поскольку устала.

Ты предполагаешь, что в случае настоящей опасности Хоа снова понесет тебя: похоже, он может переносить тебя на короткие расстояния через землю без проблем. И все же гнев Юкки трудно выносить во многих отношениях. Тонки и Хоа тащатся позади вместе с тобой. Почти как в прежние времена, только теперь Хоа появляется, когда ты пускаешься в путь, держится позади тебя, затем возникает где-то впереди. Большую часть времени он принимает нейтральную позу, но порой вытворяет нечто смешное, например, когда ты застаешь его в позе бегуна. Возможно, камнееды тоже скучают. Хьярка остается при Тонки, так что вас четверо. Нет, пятеро – Лерна отстает, чтобы идти с тобой, злой на то, что считает дурным отношением к своему пациенту. Он не считает, что женщина, недавно вышедшая из комы, вообще должна ходить, тем более тащиться позади всех. Ты пытаешься сказать, чтобы он не оставался при тебе, не навлекать на себя гнев Кастримы, но он фыркает и говорит, что если Кастриму действительно хочется настроить против себя единственного человека в общине, который официально обучен хирургии, то они его не заслуживают. И это... ну, хорошее замечание. Ты замолкаешь.

Ты как минимум справляешься лучше, чем ожидал Лерна. По большей части потому, что это была не настоящая кома, и еще потому, что ты не утратила до конца своей дорожной формы за эти семь-восемь месяцев в Кастримере. Старые привычки легко восстанавливаются: найти размеренный, пусть и медленный, шаг, которым ты все равно покрываешь мили; нести рюкзак низко, чтобы его основной вес приходился на крестец, а не на плечи; пригибать голову на ходу, чтобы падающий пепел не покрывал очки. Потеря руки скорее неудобство, чем настоящая тягота, по крайней мере при наличии стольких помощников вокруг. Кроме дисбаланса и фантомного зуда или ломоты в несуществующих пальцах и локте, сложнее всего одеваться по утрам. Удивительно, как быстро ты приучаешься присаживаться, чтобы помочиться или облегчиться без того, чтобы упасть, но, возможно, ты просто более мотивирована после многих дней в подгузниках.

Так что ты идешь сама, просто медленно поначалу, а затем все быстрее день ото дня. Но во всем этом есть одна проблема – ты идешь не туда.

Однажды вечером Тонки приходит посидеть с тобой.

– Ты не можешь уйти, пока мы не зайдем дальше на запад, – говорит она без обиняков. – Почти до пустыни Мерца, думаю я. Если хочешь дойти туда, тебе надо уладить отношения с Юккой.

Ты зло смотришь на нее, хотя для Тонки это осмотнительное поведение. Она подождала, пока Хьярка засопит в своем спальнике, а Лерна уйдет к лагерной отхожей яме. Хоа по-прежнему рядом, стоит, не скрываясь, стражем над вашей маленькой группой среди общинного

лагеря, и черты его черного мраморного лица подсвечивает огонь твоего костра. Тонки знает, что он верен тебе в той степени, в которой он понимает верность.

– Юкка ненавидит меня, – говоришь ты в конце концов, когда твой взгляд не вызывает у Тонки ни огорчения, ни сожаления.

Она выкатывает глаза.

– Поверь мне, я знаю, как выглядит ненависть. Юкка... испугана, немного вызверилась, но в какой-то степени ты этого заслуживаешь. Ты подвергла ее народ опасности.

– Я *спасла* ее народ от опасности.

На той стороне лагеря, словно иллюстрацией твоему доводу, ты замечаешь кого-то, передвигающегося с глухим звяканьем. Это одна из реннанитских солдат, немногих захваченных живьем после последнего сражения. Она в колодке – деревянном воротнике на петлях с отверстиями для рук, в результате чего они подняты вверх и разведены – соединенной двумя цепями с кандалами на ногах. Прimitивно, но эффективно. Лерна обрабатывает натертости пленницы, и ты понимаешь, что им позволено снимать колодки на ночь. С кастримитами реннаниты обошлись бы куда хуже, если бы ситуация обернулась в их пользу, но все равно это неловко. Они, в конце концов, вряд ли могут сбежать. Даже если кто из них сбежит сейчас без колодок – без припасов и защиты большой группы они станут чужим кормом, не пройдет и пары дней. Эти колодки лишь насмешка в довесок к ранам и неприятное напоминание о том, что все может быть куда хуже. Ты отводишь взгляд.

Тонки видит, как ты смотришь.

– Да, ты спасла Кастриму от одной беды и подвергла не менее тяжкому испытанию. Юкка хотела только первой части.

– Я не могла избежать второй. Мне надо было позволить камнеедам перебить всех рогг? Убить *ее*? Если бы у них получилось, механизмы жеоды в любом случае перестали бы работать!

– Она это понимает. Потому и говорю – это не ненависть. Но... – Тонки вздыхает, словно ты особенно тупая. – Смотри. Кастрима была – есть – эксперимент. Не жеода, народ. Она всегда знала, что это риск – пытаться создать общину, в которой жили бы бездомные и рогги, но это работало. Она заставила этих стариков понять, что нам нужны новые общинники. Заставила всех думать о роггах как о людях. Заставила их согласиться жить под землей, в развалинах мертвой цивилизации, хотя они могли бы прикончить нас в любой момент. Даже удержала их от того, чтобы наброситься друг на друга, когда серый камнеед дал им повод...

– Это я их остановила, – бормочешь ты. Но слушаешь.

– Ты помогла, – соглашается Тонки, – но разве только ты? Ты прекрасно знала, что это не сработает. Кастрима живет благодаря *Юкке*. Поскольку все знают, что она умрет ради этой общины. Помоги Кастриме, и Юкка снова будет на твоей стороне.

До того, как вы дойдете до ныне пустующего экваториального города Реннанис, пройдет много недель, может, даже месяцев.

– Я знаю, где Нэссун *сейчас*, – говоришь ты, закипая. – Когда Кастрима доберется до Реннаниса, она может быть уже где-то еще!

Тонки вздыхает.

– Уже несколько недель прошло, Иссун. И Нэссун, вероятно, уже куда-то ушла к тому моменту, когда ты очнулась.

Тебя трясет. Ты понимаешь, что это нерационально, но ты выпаливаешь:

– Но если я отправлюсь сейчас, может быть – может быть, я смогу ее догнать, может, Хоа снова настроится на нее, может, я смогу...

Ты осекаешься и замолкаешь, поскольку слышишь в своем голосе дрожащую визгливую нотку, и твой материнский инстинкт, ржавый, но не притупившийся, дает отдачу и упрекает: *Кончай ныть*. А ты ведь ноешь. Так что ты проглатываешь слова, но тебя все еще немного потряхивает.

Тонки качает головой, не то с сочувствием, не то с печальной констатацией того, как жалок твой голос.

– Ладно, ты хотя бы *понимаешь*, что это плохая идея. Но если уж ты решила, так давай уходи прямо сейчас. – Она отворачивается. Разве ты можешь винить ее? Отправиться навстречу почти наверняка смертельно опасной неизвестности с женщиной, которая уничтожила несколько общин, или остаться с общиной, которая хотя бы теоретически скоро снова обретет дом?

Это даже не вопрос.

Но ты уже должна была бы научиться не пытаться предугадывать действия Тонки. Она вздыхает после того, как ты сдаешься, и снова садится на валун, который ты используешь вместо кресла.

– Я, возможно, смогу вытрясти немного припасов сверх нормы из интенданта, если скажу, что мне нужно кое-что разведать для Инноваторов. Они привыкли уже, что я такое делаю. Но не уверена, что мне удастся убедить их дать мне столько, чтобы хватило на двоих.

Удивительно осознавать, насколько ты благодарна ей за – м-м-м – верность? Верность – не то слово. Привязанность? Возможно. Возможно, ты все это время являешься предметом ее исследования, так что, конечно, она не даст тебе ускользнуть, раз уж она следовала за тобой десятки лет через половину Спокойствия.

Но затем ты хмуришься.

– Двоих? Не троих? – Ты думала, что между ней и Хьяркой все улажено.

Тонки пожимает плечами, затем неуклюже наклоняется к миске риса и бобов из общинного котла. Проглотив, она говорит:

– Я предпочитаю сдержанные оценки. И тебе бы так лучше.

Она имеет в виду Лерну, который вроде как привязывается к тебе. Ты не знаешь, почему. Ты не то чтобы подарок, вся в пепле и без руки, и половину времени его бесишь. Непонятно, почему не все время. Он всегда был странным парнишкой.

– Короче, я хочу, чтобы ты кое о чем подумала, – продолжает Тонки. – Что делала Нэссун, когда ты обнаружила ее?

Ты вздрагиваешь. Потому что, ржавь побери эту Тонки, она снова сказала вслух то, чего ты не хотела бы говорить и о чем не хотела бы думать. И поскольку ты помнишь тот момент, когда сила Врат струилась сквозь тебя, когда ты потянулась, коснулась и ощутила ответный знакомый резонанс. Резонанс, поддержанный и усиленный чем-то голубым, глубоким и странно сопротивлявшимся компоновке Врат. Врата сказали тебе – каким-то образом, – что это был сапфир.

Что делала твоя десятилетняя дочь, играя с обелиском? Как твоя десятилетняя дочь *выжила* после игры с обелиском? Ты думаешь о том, как ощущался этот краткий контакт. Знакомый вкус-вибрация орогении, которую ты глушила еще до ее рождения и чему ты обучала ее с двух лет, – но теперь намного резче и интенсивнее. Ты не пыталась отнять сапфир у Нэссун, но Врата пытались, следуя инструкции давно умерших создателей, каким-то образом записанной в слоистой решетке оникса. Она сражалась с Вратами Обелиска.

Чем же занималась твоя девочка этот долгий темный год, чтобы развить в себе такое искусство?

– Ты не знаешь, в какой она сейчас ситуации, – продолжает Тонки, что заставляет тебя проморгаться, отвлечься от этих ужасных размышлений и сосредоточить взгляд на ней. – Ты не знаешь, среди каких людей она живет. Ты говоришь, она в Антарктике, где-то возле восточного побережья? Эта часть мира еще не должна сильно почувствовать Зиму. Так что ты собираешься сделать? Вытащить ее из общины, где она в безопасности, где у нее достаточно еды и где она все еще может видеть небо, и потащить ее на север, в общину над Разломом, где будет

постоянно трясти и очередной прорыв газа может убить всех? – Она жестко смотрит на тебя. – Ты хочешь ей помочь? Или просто хочешь, чтобы она была при тебе? Это не одно и то же.

– Джиджа убил Уке, – резко отвечаешь ты. Эти слова не ранят, если не думать о них, пока говоришь. Если не помнить запах сына, или его смех, или вид его тельца под одеялом. Если не думать о Корунде – ты при помощи гнева подавляешь двойной укол горя и вины. – Я должна *забрать* ее у него. Он убил моего сына!

– Он еще не убил твою дочь. У него было на это целых двадцать, что ли, месяцев? Двадцать один? Это кое-что да значит. – Тонки замечает идущего к тебе сквозь толпу Лерну и вздыхает. – Я только хочу сказать, что тебе кое о чем надо подумать. И я даже не могу поверить, что говорю это. Она еще один пользователь обелиска, а я не могу даже пойти его исследовать. – Тонки разочарованно хрюкает. – Ненавижу эту Зиму. Приходится быть такой *практичной*, ржавь побери.

Ты удивленно хмыкаешь, но едва-едва. Тонки поставила хорошие вопросы, конечно же, и на некоторые из них у тебя нет ответа. Ты долго обдумываешь их этой ночью и несколько дней после. Реннанис близко к Западному Побережью, сразу за пустыней Мерц. Кастриме придется пересечь пустыню, чтобы добраться туда, поскольку идти в обход чрезвычайно долго – все равно что годы против месяцев. Но вы хорошо идете по Южному Срединью, где дороги вполне проходимы и вас не сильно донимают налетчики и дикое зверье. Охотники смогли добыть немало фуража для пополнения запасов общины, включая дичь, которой больше чем прежде. Неудивительно, теперь же не приходится соперничать с роями насекомых. Этого недостаточно – мелкими грызунами и птицами долго не прокормить более чем тысячу людей. Но это лучше, чем ничего.

Когда ты начинаешь замечать изменения местности, предвещающие начало пустыни, – редеющие голые леса, более плоский рельеф, постепенное истощение грунтовых вод среди пластов, – ты решаешь, что пора, в конце концов, поговорить с Юккой.

Сейчас вы зашли в каменный лес: в высокие острые черные пики, порой цепляющиеся за небо и за тебя, когда группа идет через чащу. Такого в мире мало. Большинство попадали от землетрясений или – когда Эпицентр еще был – нарочно были уничтожены черномундирниками Эпицентра по запросу местных общин. Понимаешь ли, ни одна община не *живет* в каменном лесу и ни одна приличная община не желает такого поблизости. Кроме тенденции каменных лесов обрушиваться, погребая все внутри, они часто изрыты сырыми пещерами и прочими проделанными водой формациями, в которых замечательно гнездится опасная флора и фауна. Или люди.

Дорога идет напрямик через этот каменный лес, что хреново. Скажем так, никто в здравом уме не стал бы прокладывать дорогу через подобное место. Если бы губернатор какого-нибудь квартента предложил потратить налоги на такую опасную бандитскую приманку, он слетел бы кубарем на следующих выборах... или его прирезали бы ночью. Так что ты сразу понимаешь, что с этим местом что-то не так. Во-вторых, в лесу слишком мало зелени. В такую пору Зимы ее вообще везде мало, но тут вообще нет никаких ее признаков. Это означает, что этот каменный лес недавний – настолько недавний, что ветер и вода еще не успели источить камень, чтобы что-то выросло. Такой недавний, что до Зимы его не существовало.

Третий намек тебе дают твои собственные сэссапины. Большинство каменных лесов – известняковые, созданные водной эрозией в течение сотен или миллионов лет. Этот же обсидиановый – вулканическое стекло. Его зазубренные пики торчат не прямо вверх или вниз, но более изогнуты; здесь есть даже несколько не обрушившихся арок прямо над дорогой. Близко рассмотреть их невозможно, но ты сэссишь общую схему: весь этот лес – цветок лавы, застывшей во время выброса. Тектонический выброс ни на йоту не сместил дорогу. Действительно, красивая работа.

Ты застаешь Юкку в разгар спора с другим членом общины. Она велела остановиться в сотне футов от леса, и люди сгрудились вокруг, не понимая – это просто передышка или пора начать разбивать лагерь, поскольку уже довольно поздно. Эту общинницу ты, наконец, узнаешь – это Эсни Опора Кастрима, спикер функционал-касты. Она бросает на тебя беспокойный взгляд, когда ты останавливаешься рядом с ними, но затем ты снимаешь очки и маску, и лицо ее смягчается. Она не узнала тебя из-за того, что ты набила тряпок в пустой рукав, чтобы сохранить тепло. Ее реакция – приятное напоминание о том, что не все в Кастрима злы на тебя. Эсни жива, поскольку самая опасная атака – когда реннаниты пытались прорубиться сквозь Опор, обороняющих Смотровую Площадку, – закончилась, когда ты запечатала вражеских камнеедов в кристаллах.

Однако Юкка не оборачивается, хотя она легко должна была бы сэссить твое присутствие. Она обращается, как ты думаешь, к Эсни, хотя это годится и для тебя:

– Вот прямо сейчас я не хочу больше никаких споров.

– Хорошо, – говоришь ты. – Поскольку я прекрасно понимаю, почему ты остановилась здесь, и мне кажется, что это хорошая идея. – Это чуть громче, чем следовало бы. Ты смотришь на Эсни так, чтобы она поняла, что тебе нужно поговорить с глазу на глаз с Юккой прямо сейчас, и Эсни, возможно, не захочется быть этому свидетельницей. Но женщину, которая возглавляет защитников общины, нелегко запугать, так что ты не слишком удивлена, когда Эсни складывает руки на груди, готовая насладиться зрелищем. Юкка медленно поворачивается к тебе со смесью раздражения и неверия на лице.

– Приятно знать, что ты одобряешь, – говорит она ни в коей мере не приятным тоном. – Хотя мне на самом деле *все равно*.

Твоя челюсть твердеет.

– Тоже сэссишь, верно? Я бы сказала, что тут поработал четырех- или пятиколючник, хотя теперь и знаю, что дички могут обладать необычными способностями. – Ты намекаешь на нее. Это знак мира. Или просто лесть.

Она не поддается.

– Пройдем как можно дальше до ночи и разобьем там лагерь. – Она кивает на лес. – Слишком большой, чтобы пройти его за день. Может, мы могли бы его обойти, но тут что-то...

Ее взгляд расплывается, затем она хмурится и отворачивается, скривившись от того, что раскрыла перед тобой свою слабость. Она достаточно чувствительна, чтобы сэссить это самое *что-то*, но не знает, что в точности сэссит. Ты же провела много лет, учась читать подземные камни при помощи орогении, так что заполняешь пробелы.

– В том направлении находится покрытая листьями ловушка с кольями, – говоришь ты, кивая на давно мертвую траву, окаймляющую каменный лес с одной стороны. – За ней зона ловчих петель, не могу сказать, сколько их, но могу сэссить много кинетического натяжения веревок или проволоки. Если же мы пойдем в обход другим путем, там вдоль края подрезанные каменные колонны и камни, установленные, чтобы легко устроить обвал. И я могу сэссить дыры в стратегических точках по внешним колоннам. Арбалет или даже обычный лук и стрела оттуда могут нанести немалый урон.

Юкка вздыхает.

– Ну да. Значит, *насквозь* действительно лучший путь. – Она смотрит на Эсни, которая наверняка отстаивала *обходной путь*. Эсни тоже вздыхает, затем пожимает плечами, сдаваясь.

Ты поворачиваешься к Юкке.

– Кто бы ни сделал этот лес, если он еще жив, способен заморозить половину общины за несколько секунд почти без предупреждения. Если ты решительно настроена идти насквозь, нам придется установить круглосуточную посменную вахту – я имею в виду орогенов с лучшим контролем. Ночью вам придется не давать нам спать.

Она прищуривается.

– Почему это?

– Поскольку если кто-то из нас будет спать, когда начнется атака... – Ты совершенно уверена в том, что она начнется. – Мы будем реагировать инстинктивно.

Юкка кривится. Она не простой дичок, но все же слишком дичок, чтобы понять, что скорее всего случится, если что-то заставит ее орогенически среагировать во сне. Если кого не убьет налетчик, то вполне возможно, это сделает она, совершенно случайно.

– Дерьмо. – Она на миг отводит взгляд, и ты думаешь, что она не верит тебе, но, возможно, она просто думает.

– Отлично. Разделим вахты, значит. Поставим рога, что не на вахте, работать, ну, лущить тот дикий горох, который мы нашли несколько дней назад. Или чинить сбрую, которую Опоры используют, чтобы тянуть грузы. Завтра нам придется ехать на телегах, поскольку будем слишком сонными и на своих двоих не дойдем.

– Хорошо. И... – Ты медлишь. Не сейчас. Ты не можешь признать в своей слабости этой женщине. Еще нет. Но все же. – Не я.

Глаза Юкки тут же сужаются. Эсни бросает на тебя скептический взгляд, словно говоря: *У тебя так хорошо получалось*. Ты быстро добавляешь:

– Я не знаю, на что я способна теперь. После того, что я сделала в нижней Кастриме... я изменилась.

Это даже не ложь. Ты бессознательно тянешься к отсутствующей руке, играя с рукавом куртки. Никто не видит культи, но внезапно ты чрезвычайно остро осознаешь ее. Хоа, оказывается, не собирался оставлять очевидные отметины зубов, как Сурьма на культах Алебастра. Твоя гладкая, округлая, почти полированная. Ржавый перфекционист.

Взгляд Юкки следует за твоим настороженным прикосновением. Она морщится.

– Хм. Ну, я догадывалась. – Ее челюсть напрягается. – Однако эссить ты вроде не разучилась.

– Да. Я могу помочь держать стражу. Просто... мне не надо бы ничего делать.

Юкка качает головой, но говорит:

– Отлично. Тогда тебе последняя ночная стража.

Это наименее желанная стража – самая холодная теперь, когда ночные температуры стали падать ниже нуля. Большинство предпочло бы спать в это время в теплых спальниках. Это также самое опасное время, когда соображающие налетчики нападают на большие группы вроде этой в надежде застать людей сонными и вялыми. Ты не можешь понять – доверие ли это или наказание. Ты пробуешь спросить:

– Могу хотя бы оружие взять? – Ты не держала в руках никакого оружия с тех пор, как покинула Тиримо, когда сменяла свой нож на сушеный шиповник, чтобы избежать авитаминоза.

– Нет.

Ржавь. Ты хочешь сложить руки, но вспоминаешь, что не можешь, поскольку твой пустой рукав болтается, и вместо этого кривишься. (Юкка и Эсни тоже.)

– Ну и что мне тогда делать? Орать во весь голос? Ты серьезно готова рискнуть общиной из-за своей злости на меня?

Юкка выкатывает глаза.

– Ржавь! – Это настолько созвучно твоим мыслям, что ты хмуришься. – Поверить не могу. Ты думаешь, что я злюсь из-за жеоды? Правда, что ли?

Ты невольно смотришь на Эсни. Та пялится на Юкку, словно говоря – *не так, что ли?* Достаточно красноречиво для вас обеих. Юкка зло глядит на вас, затем трет лицо и издает долгий вздох.

– Эсни, пойд... займись чем-нибудь... опорским. Исси – сюда. Иди *сюда*. Пройдись, ржавь побере, со мной. – Она резким, досадливым жестом подзывает тебя. Ты слишком сбита

с толку, чтобы обидеться; она поворачивается, и ты идешь за ней. Эсни пожимает плечами и уходит.

Несколько мгновений вы обе молча идете сквозь лагерь. Сдается, все остро осознают опасность каменного леса, так что это самая деловая передышка, какую ты видела. Некоторые Опоры передают вещи между телегами, чтобы переложить все жизненно важное в телеги с самыми крепкими колесами, которые будут меньше нагружены. В сложной ситуации их будет легче подхватить и убежать. Охотники вырубают заостренные колья из мертвых молодых деревьев и сучьев возле лагеря. Их расставят по периметру, когда община наконец разобьет лагерь, чтобы направить налетчиков в простреливаемые сектора. Остальные Опоры спят, когда могут, зная, что ночью им предстоит патрулировать или спать по краям лагеря.

Используй сильных для охраны всех их, говорит Предание камня. Опоры, которые не хотят быть живым щитом, могут либо найти способ проявить себя и присоединиться к другой касте или уйти в другую общину.

Ты морщишь нос, проходя мимо наспех вырытой придорожной отхожей ямы, над которой сейчас сидят шестеро или семеро, а несколько младших Стойкостей стоят вокруг, чтобы выполнить неприятную работу по забрасыванию результатов. Что необычно, сейчас перед ямой короткий хвост людей, ждущих своей очереди присесть. Неудивительно, что стольким нужно одновременно опорожниться; здесь, в угрюмой тени каменного леса, все на пределе. Никто не хочет попасть враспloh со спущенными штанами после темноты. Ты думаешь, что тебе самой надо бы, когда Юкка ошарашивает тебя, отрывая от этих вспыхивающих размышлений.

– Так мы тебе еще нравимся?

– Что?

Она показывает на лагерь. На людей общины.

– Ты уже больше полугода провела в Кастриме. Друзья у тебя появились?

Ты, думаешь ты прежде, чем успеваешь спохватиться.

– Нет, – говоришь ты.

Она мгновение смотрит на тебя, и ты виновато думаешь, не ждет ли она, что ты назовешь ее. Затем она вздыхает.

– Еще не спишь с Лерной? О вкусах не спорят, я понимаю, но Селекты говорят, что все признаки налицо. Когда мне нужен мужик, я выбираю того, кто мало треплется. Женщины более верная ставка. Они умеют не портить настроение.

Она потягивается, морщится, разминая поясницу. Ты используешь это время, чтобы стереть с лица ужас и растерянность. У этих, ржавь их, Селектов явно работы мало.

– Нет, – говоришь ты.

– Еще нет?

Ты вздыхаешь.

– Нет... пока.

– Ну и какой ржави ты тянешь? Дорога безопаснее не станет.

Ты ожигаешь ее взглядом.

– Я думала, тебе все равно?

– Все равно. Но дать тебе просрать по этому поводу поможет мне кое-что отметить для себя. – Юкка ведет тебя к телегам, или ты так думаешь поначалу. Затем вы проходите мимо телег, и ты изумленно замираешь.

Там сидят и едят семеро реннанитских пленных. Даже сидя они отличаются от народа Кастримы – все реннаниты либо чистые санзе, либо достаточно близко по фенотипу, крупнее среднего даже для своей расы, с отросшими пепельными гривами или стриженные, но с косичками на висках, или волосами, стоящими на голове дыбом, чтобы казаться выше. Сейчас их

колодки отложены в сторону – хотя цепи, соединяющие всех пленных вместе, остались на месте – и несколько Опор стоят рядом на страже.

Ты удивлена, что они едят, хотя лагерь на ночь еще до конца не поставлен. Опоры на страже тоже едят, но это правильно – впереди у них долгая ночь. Эти ренни поднимают взгляд при приближении вас с Юккой, и ты останавливаешься, опешив, поскольку ты узнаешь одну из пленниц. Данель, *генерал* армии Реннаниса. Она жива и здорова, если не считать красных натертостей от колодок на шее и запястьях. Последний раз, когда ты видела ее близко, она подзывала Стража без рубашки, чтобы та убила тебя. Она тоже узнает тебя, и ее губы складываются в смиренную ироническую линию. Затем весьма нарочито она кивает тебе прежде, чем вернуться к своей миске.

Юкка, к твоему удивлению, садится на корточки рядом с Данель.

– Ну и как еда?

Данель пожимает плечами, продолжая есть.

– Это лучше, чем голодать.

– Хорошая еда, – говорит другой пленник напротив, не в кружке. Он пожимает плечами, когда остальные меряют его злыми взглядами. – Ну хорошая же.

– Они просто хотят, чтобы мы могли тянуть их телеги, – говорит один из озлобленных.

– Да, – вмешивается Юкка. – Именно так. Опоры в Кастриме получают общинный паек и постель за их вклад в общее дело. А что вы получили бы в Реннанисе?

– Наверное, хоть какую-то ржавую гордость, – говорит злобный, злясь еще сильнее.

– Заткнись, Фалуд, – говорит Данель.

– Эти ублюдки считают, что они...

Данель ставит на землю свою миску. Злобный тут же затыкается и напрягается, глаза его чуть расширяются. Мгновение спустя Данель берет миску и продолжает есть. Выражение ее лица даже не изменилось. Ты ловишь себя на мысли, что она наверняка воспитывала детей.

Юкка, облокотившись о колено, подпирает подбородок кулаком и мгновение смотрит на Фалуда.

– Так что, по-твоему, мне надо сделать с ним? – говорит она Данель.

Тот тут же сдвигает брови.

– Что?

Данель пожимает плечами. Ее миска пуста, но она проводит по дну пальцем, подбирая соус.

– Теперь уж не мне решать.

– Не слишком умен, – поджимает губы Юкка, рассматривая мужчину. – С виду ничего, но селекция по мозгам всегда труднее, чем по внешнему виду.

Данель несколько мгновений ничего не говорит, пока Фалуд переводит взгляд с нее на Юкку и обратно с растущим неверием в глазах. Затем Данель с тяжелым вздохом тоже поднимает взгляд на Фалуда.

– Чего ты от меня хочешь? Я больше не командир ему. Да и не хотела никогда, меня назначили. А теперь мне все это до ржави.

– Я не верю тебе, – говорит Фалуд. Он в панике, голос его слишком громок. – Я *сражался* за тебя.

– И проиграл. – Данель качает головой. – Теперь главное – выживание и приспособление. Забудь все то дерьмо, которым тебе заливали уши в Реннанисе насчет санзе и выроdkов, – это пропаганда для объединения общины. Теперь все изменилось. «Необходимость – единственный закон».

– Кончай нести свое ржавое камнепредание!

– Она цитирует Предание камня потому, что ты его *не понимаешь*, – резко одергивает его другой мужчина – тот, кому понравилась еда. – Они нас кормят. Позволяют нам быть

полезными. Это испытание, дерьмо ты тупое. Проверка – хотим ли мы заслужить место в этой общине!

– *Этой общине?* – Фалуд обводит рукой лагерь. Смех его отдается от скал. Люди оглядываются, пытаюсь понять, не крик ли это, предупреждающий о какой-то проблеме. – Ты себя слышишь? У них нет ни шанса. Им надо было бы найти место, где зарыться, может, отстроить одну из общин, которые мы разнесли по дороге. А они...

Юкка движется с небрежностью, которая не может тебя обмануть. Все видят, что сейчас произойдет, кроме Фалуда, который слишком уперт, чтобы признавать реальность. Она встает и бессмысленно стряхивает пепел с плеч, пересекает круг и кладет руку на темя Фалуда. Он пытается отдернуть голову, сбить ее руку.

– Не трогай, ржавь тебя...

Затем он замирает. Глаза его стекленеют. Юкка сделала с ним это – то же, что и с Каттером в нижней Кастриме, когда люди уже сбивались в толпу, чтобы наброситься на орогенов. Поскольку на сей раз ты уже знаешь, что будет, тебе удастся лучше уловить, как она испускает этот странный импульс. Это определенно магия, какой-то вид манипуляции с этими тонкими серебристыми волокнами, которые пляшут между точками вещества человека. Импульс Юкки рассекает узлы нитей в основании мозга Фалуда, прямо над сэссапинами. Физически все остается неповрежденным, но магически – это как отрубить ему голову. Он валится вперед, и Юкка отступает в сторону, чтобы он мог обмякшим мешком плюхнуться на землю.

Одна из реннаниток ахает и отпрыгивает, звеня цепями. Охранники переглядываются, но они не удивлены – известие о том, что Юкка сделала с Каттером, потом разошлось по всей Кастриме. Реннанит, который пока не произнес ни слова, выдает короткое ругательство на одном из смешанных побережных наречий. Это не этурпик, потому ты не понимаешь, но его страх достаточно очевиден. Данель лишь вздыхает.

Юкка тоже вздыхает, глядя на мертвеца. Затем она смотрит на Данель.

– Мне жаль.

Данель блекло улыбается.

– Мы пытались. И ты сама сказала – он был не слишком умен.

Юкка кивает. Почему-то она несколько мгновений смотрит на тебя. Ты понятия не имеешь, какой урок ты должна из этого извлечь.

– Снимите кандалы, – говорит она. Ты не берешь в толк, пока не понимаешь, что это приказ для стражи. Один из них отходит переговорить с остальными, и они начинают перебирать ключи. Юкка словно испытывает отвращение к себе самой и тяжело говорит:

– Кто сегодня квартирмейстер? Мемсид? Скажи ему и другим Стойкостям, чтобы разобрались с этим. – Она показывает головой на Фалуда.

Все застывают. Но никто не протестует. Охотники добыли больше дичи и фуража, но в Кастриме много людей, которым нужно больше белка, чем они получают, а впереди пустыня. В итоге все равно все к этому пришло бы. Однако, после минутного молчания, ты делаешь шаг к Юкке.

– Ты уверена? – тихо спрашиваешь ты. Один из охранников подходит, чтобы снять кандалы с Данель. Данель, которая пыталась убить всех живых в Кастриме. Данель, которая пыталась убить *тебя*.

– А почему нет? – пожимает плечами Юкка. Она говорит достаточно громко, чтобы пленные могли ее слышать. – После нападения Реннаниса нам не хватает Опор. Теперь у нас шесть на замену.

– Шестеро, которые при первом удобном случае ударят нам в спину – или просто тебя зарежут!

– Если я раньше их не замечу и не прикончу, то да. Но это было бы глупостью с их стороны, и самого тупого я уже прикончила. – У тебя ощущение, что Юкка не пытается запугать

реннанитов. Она просто констатирует факт. – Понимаешь, я все время пытаюсь втолковать тебе это, Исси. Мир состоит не из друзей и врагов. Это люди, которые могут помочь тебе, и люди, которые могут встать на твоём пути. Перебей их, и с чем ты останешься?

– *С безопасностью.*

– Многие пути могут быть безопасными. Да, шанс того, что меня прирежут, повышается. Но и безопасность для общины повышается. А чем сильнее община, тем выше шанс, что мы доберемся до Реннаниса живыми. – Она пожимает плечами и обводит взглядом каменный лес. – Кто бы его ни возвел, он один из нас и обладает настоящим умением. Нам оно может пригодиться.

– Что, теперь ты готова принять... – Ты качаешь головой, не веря своим ушам. – Жестоким бандитов и дичков? – Но тут ты останавливаешься. Поскольку однажды ты любила жестокого пирата-дичка.

Юкка молча переживает, пока ты вспоминаешь Иннона и заново оплакиваешь его. Затем с нарочитой кротостью она говорит:

– Я планирую дальше, чем на следующий день, Исси. Может, и тебе следует попытаться, ради разнообразия.

Ты отводишь взгляд, ощущая себя странно оцетинившейся. У тебя было не так много шансов для роскоши загадывать дальше чем на день.

– Я не глава общины. Я всего лишь *рогга*.

Юкка иронично наклоняет голову набок. Ты не так часто используешь это слово, как она. Она-то произносит его с гордостью. А когда его произносишь ты, это оскорбление.

– Ну а я и то, и это, – говорит Юкка. – И глава, и рогга. Я *решила* быть обеими и больше. – Она проходит мимо тебя и бросает следующие слова через плечо, словно они пустяковые: – Ты ведь не думала о нас, используя эти обелиски, не так ли? Ты думала о том, чтобы уничтожить своих врагов. Ты думала о выживании – но дальше ты заглянуть не могла. Вот почему я так злилась на тебя, Исси. Ты несколько месяцев прожила в моей общине, и до сих пор ты *«всего лишь рогга»*.

Она уходит, крича, что привал окончен. Ты смотришь ей вслед, пока она не растворяется в потягивающейся, ворчащей толпе, затем бросаешь взгляд на Данель, которая стоит и потирает красную полосу на запястье. Она смотрит на тебя с делано нейтральным выражением лица.

– Если она умрет, ты – тоже, – говоришь ты. Если Юкка не позаботится о тебе, ты сделаешь для нее что сможешь.

Данель выпускает короткий насмешливый вздох.

– Это верно даже без твоей угрозы. Вряд ли кто другой здесь дал бы мне шанс. – Она бросает на тебя скептический взгляд. Несмотря на перемену ее положения, ее санзийская гордыня никуда не исчезла. – Ты ведь *действительно* не очень в этом хороша, верно?

Огонь и ржавь земная. Ты уходишь прочь, поскольку если уж Юкка и так невысокого о тебе мнения после уничтожения угроз, она явно не будет рада, если ты начнешь убивать тех, кто тебя раздражает, всего лишь от злости.

* * *

2562: Девятибалльное землетрясение на Западном Побережье, эпицентр где-то в квартенте Бага. Записи лористов того времени говорят, что землетрясение «превратило землю в жидкость». (Поэтика?) Одна рыбацья деревня уцелела. Со слов одного из жителей записано: «Ржавый рогга прикончил тряску, а затем мы – его». Отчет зарегистрирован в Эпицентре и предоставлен для ознакомления имперскому орогену, который позже посетил

этот район и также отметил, что землетрясение повредило бы подводное нефтеносное месторождение вблизи берега, но этот незарегистрированный рога в деревне предотвратил это. Оно загрязнило бы воду и берега на много миль по берегу.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс.

4

Нэссун, бредущая в глуши

ШАФФА ДОСТАТОЧНО ДОБР, чтобы вывести остальных восьмерых ребятишек Найденной Луны из Джекити вместе с Нэссун. Он говорит главе общины, что они идут на тренировочную прогулку на несколько миль, так что пусть община не волнуется, если вдруг слегка тряхнет. Поскольку Нэссун только что вернула сапфир в небо – громко из-за громового раската воздуха, заполнившего вакуум; драматически из-за его внезапного исчезновения здесь и возникновения в небе, огромного, темно-голубого и слишком близкого – женщина-глава общины прямо из кожи вон лезет, чтобы собрать детишкам дорожные рюкзаки с дорожной едой и прочими вещами, чтобы они могли поскорее выйти в путь. Это не высшего класса припасы для долгого пути. Без компасов, среднего качества ботинки, еда, которая не протянет дольше пары недель. И все же это намного лучше, чем уйти с пустыми руками.

Никто в общине не знает, что Нида и Умбра мертвы. Шаффа внес их трупы в спальню Стражей и уложил их по постелям в приличных позах. С Нидой получилось лучше, поскольку она более-менее цела, не считая затылка, а у Умбры голова размозжена. Затем Шаффа забросал кровь землей. В конце концов Джекити все это обнаружит, но к тому времени дети Найденной Луны будут далеко, если уж не в безопасности. Джиджу Шаффа оставил там, где его уронила Нэссун. Его труп на самом деле – всего лишь груда красивых камней, если кто-то не посмотрит внимательнее на один из осколков.

Дети покорно покидают общину, бывшую их домом, для некоторых несколько лет. Они уходят ступенями рога, как их неофициально (и грубо) называли – по очереди базальтовых колонн с северной стороны общины, по которым могут пройти лишь орогены. Орогения Вудеха устойчивее, чем когда-либо сэссилла Нэссун, когда он опускает их на уровень земли, задвинув одну из колонн базальта обратно в древний вулкан. И все же на лице его отчаяние, и внутри у нее все болит от этого.

Они идут на запад группой, но прежде, чем они уходят на милью, один или двое детишек начинают тихо плакать. Нэссун, чьи глаза остаются сухими даже при бессвязных мыслях вроде «я убила отца» и «*papa, я тоскую по тебе*», горюет вместе с ними. Жестоко, что им придется переживать такое, быть выметенными во время Зимы из-за того, что сделала она. (Из-за того, что пытался сделать Джиджа, старается убедить себя она, но сама не верит этому.) Но еще более жестоко было бы оставить их в Джекити, где местные со временем поймут, что случилось, и набросятся на детей.

Только Эгин и Инеген, двойняшки, смотрят на Нэссун с чем-то вроде понимания. Они первыми вышли наружу, когда Нэссун схватила сапфир с неба. Остальные по большей части видели, как Шаффа сражался с Умброй и как Сталь убил Ниду, а эти двое видели, что Джиджа пытался сделать с Нэссун. Они понимают, что Нэссун отбивалась, как сделал бы любой. Но, однако, все помнят, как она убила Эйтца. Некоторые успели простить ее за это, как и предполагал Шаффа, – особенно робкая, перепуганная Тихоня, которая тайком рассказала Нэссун, что сделала с бабушкой, которая много лет назад ткнула ее ножом в лицо. Дети-орогены рано узнают, что такое раскаяние.

Это не значит, что они не боятся Нэссун, а страх придает четкости детскому рационализму. Они, в конце концов, в душе не убийцы... а Нэссун – убийца. (Она не хочет ею быть, не больше, чем ты.)

Теперь группа стоит буквально на распутье, там, где местная тропа, тянущаяся на северо-восток, встречается с идущей западнее имперской дорогой Джекити – Тевамис. Шаффа говорит, что имперская дорога со временем выйдет к виадуксу. Нэссун слышала о таком, но за все

свои путешествия ни разу не видела. Однако именно на перекрестке Шаффа решает сообщить остальным детям, что больше они не могут идти за ним.

Протестует только Сачок.

– Мы не будем много есть, – говорит она Шаффе с некоторым отчаянием. – Тебе... тебе не придется нас кормить. Просто разреши нам идти за тобой. Мы сами будем добывать еду. Я знаю, как!

– Нас с Нэссун, скорее всего, будут преследовать, – говорит Шаффа. Его голос безупречно ласков. Нэссун понимает, что эта манера лишь усугубляет тяжесть слов; его ласковость легче позволяет понять, действительно ли Шаффе есть до этого дело. Жестокие расставания легче. – Нам тоже предстоит одинокое путешествие, очень опасное. Вам самим по себе будет легче.

– Неприкаянными безопаснее, – говорит Вудех и смеется. Нэссун никогда не слышала от него такой горечи.

Сачок начинает плакать. Слезы оставляют удивительно чистые дорожки на ее начавшем сереть от пепла лице.

– Не понимаю. Ты заботился о нас. Ты *любишь нас*, Шаффа, даже больше, чем любили Нида и Умбра! Почему бы тебе... если ты просто собираешься... собираешься...

– Прекрати, – говорит Лашар. Она за последний год стала еще выше, как хорошо воспитанная девочка с кровью санзе. Хотя со временем ее надменность типа «*мой-дедушка-был-экваториал*» поблекла, она до сих пор становится заносчивой, когда ее что-то волнует. Она сложила руки и смотрит в сторону от дороги, на группу голых холмов неподалеку. – Сохрани хоть чуточку ржавой гордости. Нас вышвырнули, но мы еще живы, и только это имеет значение. Мы сможем на ночь укрыться в этих холмах.

Сачок злобно смотрит на нее.

– Там нет укрытия! Мы *умрем от голода или...*

– Не умрем. – Дешанти, смотревшая в землю, водя ногой по все еще тонкому слою пепла, внезапно поднимает взгляд. Она глядит на Шаффу, обращаясь к Сачку и остальным. – Есть места, где мы сможем жить. Нам просто надо заставить их открыть ворота.

На ее лице жесткое, решительное выражение. Шаффа устремляет на Дешанти резкий взгляд, и, к ее чести, она встречает его не дрогнув.

– Ты намерена войти силой? – спрашивает он ее.

– Ты ведь этого хочешь от нас, верно? Ты не отослал бы нас, если бы не был уверен, что мы сделаем... то, что должны сделать. – Она пытается пожать плечами. Она слишком напряжена для такого беспечного жеста; ее передергивает, как в параличе. – Мы не были бы живы, если бы ты не был нами доволен.

Нэссун смотрит в землю. Это ее вина, что у остальных не осталось иного выбора. В Найденной Луне была красота; среди друзей-детей Нэссун научилась радоваться тому, что она есть и что может делать среди людей, которые понимали и разделяли ее радости. Теперь то, что некогда было целостным и хорошим, мертво. *Ты со временем убьешь все, что любишь*, сказал ей Сталь. Ей ненавистна его правота.

Шаффа долго, задумчиво смотрит на детей. Его пальцы вздрагивают, возможно, от воспоминаний о другой жизни и другой личности, которой была непереносима мысль о том, чтобы выпускать восемь юных Мисалемов в мир. Однако эта версия Шаффы мертва. Это дерганье лишь рефлексивно.

– Да, – говорит он. – Этого я от вас и хочу, если вы хотите это услышать. В большой, процветающей общине ваши шансы выжить выше, чем если вы останетесь сами по себе. Так что позвольте сделать вам предложение. – Шаффа делает шаг вперед и наклоняется, чтобы посмотреть Дешанти в глаза, в то же время беря Сачок за худенькое плечо. Он обращается ко всем ним с той же ласковой настойчивостью, что и прежде. – Сперва убейте только одного.

Выберите кого-то одного из тех, кто пытается причинить вам вред, – но лишь одного, даже если попытаются многие. Обезвредьте остальных, но не спешите убивать того, единственного. Пусть это будет болезненно. Постарайтесь, чтобы ваша жертва кричала. Это важно. Если первый, которого вы убиваете, молчит... убейте другого.

Они молча смотрят на него. Даже Лашар кажется ошеломленной. Нэссун же видела, как Шаффа убивает. Он отказался от себя того, кем был, но все равно остался мастером ужаса. Если он считает нужным поделиться секретами своего мастерства с ними, им повезло. Она надеется, что они это оценят.

Он продолжает.

– Когда убийство совершено, дайте присутствующим понять, что действовали так только ради самообороны. Затем предложите службу вместо убитого или защиту для остальных от опасности – но они поймут, что это ультиматум. Они *должны* будут принять вас в общину. – Он замолкает, затем устремляет свой льдистый взгляд на Дешанти. – Если они откажут, что вы сделаете?

Она сглатывает.

– У... убьем их всех.

Он снова улыбается – впервые с тех пор как они покинули Джекити – и охватывает рукой ее затылок в горячем одобрении.

Сачок коротко ахает, от шока перестав плакать. Эгин и Инеген держатся друг за друга, и на их пустых лицах лишь отчаяние. Лашар стискивает челюсти, ноздри ее трепещут. Она готова принять слова Шаффы близко к сердцу. Насколько видит Нэссун, Дешанти тоже... но это убьет что-то в Дешанти.

Шаффа это понимает. Когда он встает поцеловать Дешанти в лоб, в этом жесте столько печали, что у Нэссун снова ноет сердце.

– «Все меняется Зимой», – говорит он. – *Живите*. Я хочу, чтобы вы жили.

Из глаза Дешанти скатывается слеза прежде, чем она успевает ее сморгнуть. Она громко сглатывает. Но затем она кивает и отходит от него к остальным. Теперь между ними пропасть – по одну сторону Шаффа и Нэссун, по другую – дети Найденной Луны. Пути разошлись. Шаффа не показывает беспокойства, а должен бы – Нэссун замечает, что серебро ожило и пульсирует в нем, протестуя против его выбора позволить этим детям уйти восвояси. Но он не показывает боли. Когда он делает то, что считает правильным, боль лишь усиливает его. Он встает.

– И если вдруг вы увидите настоящие признаки ослабления Зимы... бегите. Рассейтесь и слейтесь с окружающим как сможете. Стражи не умерли, маленькие мои. Они вернутся. Как только разойдутся слухи о том, что вы сделали, они придут за вами.

Он имеет в виду обычных Стражей, понимает Нэссун, – не тех, что «осквернены», каким был он сам. Таких Стражей не было видно с начала Зимы, или, по крайней мере, Нэссун не слышала, чтобы хоть один присоединился к какой-нибудь общине, и их не было видно на дорогах. *Вернутся* предполагает, что все они ушли куда-то в особое место. Куда? Туда, куда Шаффа и прочие оскверненные не пойдут или не могут пойти.

Но значение имеет то, что *этот* Страж, пусть и оскверненный, помогает им. Нэссун ощущает внезапный прилив необъяснимой надежды. Конечно, совет Шаффы поможет им выжить каким-то образом. Она сглатывает и добавляет:

– Все вы действительно хорошие орогены. Может, община, которую вы выберете... может, они...

Голос ее обрывается, она не уверена в том, что хочет сказать. *Может, они полюбят вас*, думает она, но это кажется глупым. Или *может, вы окажетесь им полезными*, но это обычно работает не так. Общины обычно нанимают эпицентровских орогенов только на короткое время или, так ей рассказывал Шаффа, чтобы сделать необходимую работу и уйти. Даже

общины рядом с горячими точками и зонами разлома не хотели держать у себя орогенов постоянно, как бы они в них ни нуждались.

Прежде чем Нэссун находит слова, Вудех зло смотрит на нее.

– Заткнись.

Нэссун моргает.

– Что?

Тихоня шипит на Вудеха, пытается заставить его замолчать, но он не обращает на него внимания.

– Заткнись, ржавь. Я ненавижу тебя. Нида пела мне. – Затем, без предупреждения, он раздражается рыданиями. Тихоня растеряна, но остальные окружают его, шепчут утешения и гладят по спине. Лашар смотрит на это, затем бросает на Нэссун последний укоризненный взгляд, прежде чем обратиться к Шаффе.

– Что же, мы пойдем. Спасибо, Страж, за... за то, что стоит благодарности. – Она поворачивается и ведет всех прочь. Дешанти идет рядом с ней, повесив голову, не оглядываясь. Инеген несколько мгновений стоит между двумя группами, затем смотрит на Нэссун и шепчет:

– Извини. – Затем уходит и она, торопясь догнать остальных.

Как только дети полностью исчезают из виду, Шаффа кладет руку на плечо Нэссун и уводит ее к имперской дороге. Через несколько миль молчания она говорит:

– Ты до сих пор считаешь, что лучше было бы убить их?

– Да. – Он смотрит на нее. – И ты знаешь это не хуже меня.

Нэссун стискивает челюсти.

– Знаю. – Еще больше причин остановить это. Остановить все.

– У тебя на уме есть какая-то цель, – говорит Шаффа. Это не вопрос.

– Да. Я... Шаффа, я должна пойти на другую сторону мира. – Это звучит как *я должна дойти до звезд*, но поскольку это не так далеко от того, что она действительно должна сделать, она решает не стесняться этого мелкого абсурда. К ее удивлению, он наклоняет голову вместо того, чтобы рассмеяться.

– В Сердечник?

– Что?

– Город по ту сторону света. Туда?

Она сглатывает, закусывает губу.

– Я не знаю. Я просто знаю, что то, что мне нужно... – У нее нет для этого слов, и вместо этого она изображает это, складывая ладони и шевеля пальцами, посылая воображаемые волны навстречу друг другу, чтобы они сталкивались и смешивались. – Обелиски... их тянет к этому месту. Они для этого сделаны. Если я туда пойду, я думаю, что я сумею, ну, вытянуть? Я не могу сделать этого больше нигде, поскольку... – Она не может объяснить. Линии силы, линии видимости, математические комбинации; все нужное ей знание у нее в голове, но языком она не может его передать. Кое-что из этого дар сапфира, что-то – приложение теорий, которые ей объясняла мать, а что-то – результат сочетания теории с наблюдениями и инстинктом. – Я не знаю, который город там правильный. Если я подойду ближе и немного похожу вокруг, может, я смогу...

– Сердечник – единственное, что есть по ту сторону света, малышка.

– Это... что?

Шаффа резко останавливается, сбрасывая рюкзак. Нэссун тоже расценила это как сигнал к привалу. Они как раз на подветренной стороне холма, который представляет собой выход старой лавы из древнего вулкана под Джекити. Вся окрестность в природных террасах из выветренного и вымытого водой обсидиана, хотя скала всего в нескольких дюймах ниже слишком тверда для сельскохозяйственных посадок или даже для леса. Некоторые упорные деревья с

неглубокими корнями качаются на пустых террасах с коростой пепла, но большинство погибли от пеплопада. Нэссун и Шаффа смогут заметить потенциальную опасность издалека.

Пока Нэссун достает еду, Шаффа рисует что-то пальцем на нанесенном ветром пепле. Нэссун тянет шею и видит, что он рисует на земле два круга. На одном он грубо изображает Спокойствие, знакомое Нэссун по урокам географии еще в яслях, – только на сей раз он рисует Спокойствие в двух частях, с линией раздела по экватору. Разлом, да. Он стал границей более непреодолимой, чем даже тысячи миль океана.

Другой круг, однако, который, как теперь понимает Нэссун, является изображением мира, он оставляет пустым, за исключением одной точки прямо над экватором и чуть к востоку от нулевого меридиана. Он не размещает под ней ни острова, ни материка. Просто точка.

– Когда-то на этом пустом лике мира было много городов, – объясняет Шаффа. – Некоторые цивилизации в течение тысячелетий строили города на море или под водой. Но ни один из них не просуществовал долго. Остался только Сердечник.

Это в буквальном смысле по ту сторону света.

– Как мы можем туда попасть?

– Если... – Он замолкает. У Нэссун сводит нутро, когда по его лицу проходит то самое размытое выражение. На сей раз он морщится и закрывает глаза, словно попытка оценить свою старую личность добавляет ему боли.

– Ты не помнишь?

Он вздыхает.

– Я помню, что помнил.

Нэссун понимает, что ей следовало такого ожидать. Она прикусывает губу.

– Сталь может знать.

Желваки на скулах Шаффы чуть вздрагивают – еле заметное движение, и все.

– Да уж, точно.

Сталь, который исчез, пока Шаффа оттаскивал тела других Стражей, также мог слышать их откуда-то по соседству. И имеет ли значение то, что он еще не появился и не сказал им, что делать? Может, он им и не нужен.

– А Антарктический Эпицентр? Разве у них нет записей и всякого такого? – Она вспоминает, что рассматривала библиотеку Эпицентра прежде, чем Шаффа и Умбра сели с их лидерами, выпили по чашечке сафе и затем убили их всех. Та библиотека представляла собой странную высокую комнату, от пола до потолка уставленную шкафами с книгами. Нэссун любит книги – ее мать обычно раз в несколько месяцев позволяла себе роскошь купить одну, и порой Нэссун получала подержанную, если Джиджа считал ее подходящей для детей, – и она вспоминает, как стояла в благоговении, поскольку никогда в своей жизни не видела столько книг. Конечно, в некоторых из них была информация о... об очень старых городах, о которых никто никогда не слышал, и только Стражи знают, как туда попасть. М-м-м. Хм-м.

– Вряд ли, – говорит Шаффа, подтверждая опасения Нэссун. – К тому же сейчас этот Эпицентр, скорее всего, захвачен другой общиной или даже неприкаянной швалью. В конце концов, у них на полях было полно съедобных злаков, а дома пригодны для жилья. Было бы ошибкой туда вернуться.

Нэссун прикусывает губу.

– Может... лодка? – Она ничего не знает о лодках.

– Нет, малышка. Лодка не годится для такого долгого путешествия.

Он многозначительно замолкает, и Нэссун воспринимает это как предупреждение и пытается взять себя в руки. Здесь он ее бросит, с болезненным страхом и уверенностью понимает она. Здесь он захочет узнать, что она задумала, – а потом не пожелает в этом участвовать. Зачем ему? Даже она понимает, что хочет ужасного.

– Как я понимаю, – говорит Шаффа, – ты хочешь взять под контроль Врата Обелисков.

Нэссун разевает рот. Шаффа знает, где находятся Врата Обелисков? Нэссун ведь только утром узнала это название от Стали. Правда, знание мира, всех его странных механизмов и их действия, тысячелетние секреты все еще по большей части невредимы в голове Шаффы. Только то, что связывает его с его прежней личностью, утрачено навеки... что означает, что дорога в Сердечник – то, что Старый Шаффа должен был в особенности хорошо знать. И что это значит?

– Ну да. Потому я хочу попасть в Сердечник.

Его губы изгибаются при виде ее удивления.

– Найти орогена, который мог бы активировать Врата, было нашей главной целью, Нэссун, когда мы создавали Найденную Луну.

– Что? Зачем?

Шаффа бросает взгляд в небо. Солнце начинает клониться к закату. Они, наверное, могли бы пройти еще час, прежде чем станет слишком темно. Но смотрит он на сапфир, который незначительно сместился со своего положения над Джеkitи. Рассеянно потирая затылок, Шаффа смотрит на его слабые очертания сквозь густеющие облака и кивает, словно бы сам себе.

– Я, Нида и Умбра, – говорит он. – Лет десять назад нам... дали поручение... отправиться на юг и найти друг друга. Нам было приказано искать и обучать всех орогенов, имеющих потенциал для связи с обелисками. Обычно Стражи таким не занимаются, понимаешь ли, поскольку может быть лишь одна причина подталкивать орогена на путь обелиска. Но этого хотел Земля. Я не знаю, почему. Тогда я... задавал меньше вопросов. – Его рот на миг кривится в печальной улыбке. – Теперь у меня есть догадки.

Нэссун хмурится.

– Какие догадки?

– Что у Земли свои планы на человечество... – Шаффа резко напрягается и пошатывается. Нэссун быстро подхватывает его, чтобы он не упал, и он инстинктивно обхватывает ее за плечи. Рука его держит ее очень крепко, но она не сопротивляется. Ему явно нужно утешение ее присутствия. Наверное, Земля злится на него сильнее, чем когда бы то ни было, потому что он выдает его секреты, и это ощущается как резкая, хлещущая пульсация серебра во всех нервах и между всеми клетками его тела.

– Не разговаривай, – говорит Нэссун. Ей перехватило горло. – Не говори больше ни слова. Если это будет так же больно...

– Он не управляет мной. – Шаффе приходится говорить это между короткими вздохами. – Это не затрагивает моей сути. Пусть я... м-м-м... в его конуре, но на поводок он меня *не возьмет*.

– Я знаю. – Нэссун закусывает губу. Он тяжело приваливается к ней, и от этого ее колено, упирающееся в землю, начинает дико ныть. Но ей все равно. – Но ты не обязан рассказывать все прямо *сейчас*. Я сама догадываюсь.

Она думает, что у нее есть все ключи. Нида однажды упомянула о способности Нэссун связываться с обелисками, *за это мы в Эпицентре выбраковывали*. Нэссун тогда не поняла, но ощутив в какой-то мере чудовищность Врат Обелисков, она теперь может догадываться, почему Отец-Земля хочет ее смерти, если она уже не под контролем Шаффы – а через него и Земли.

Нэссун жует губу. Поймет ли Шаффа? Она не уверена, что сможет перенести, если он решит уйти или, что еще хуже, набросится на нее. Она делает глубокий вздох.

– Сталь говорит, что Луна возвращается.

На мгновение со стороны Шаффы возникает полное молчание. Это тяжесть удивления.

– Луна.

– Она настоящая, – выпаливает она. Однако она и понятия не имеет, правда ли это, так ведь? Она полагается лишь на слова Стали. Она даже не уверена в том, что знает, что такое Луна, кроме того, что это потерянное дитя Отца-Земли, как говорят сказки. И все же каким-то образом она понимает, что здесь Сталь сказал правду. Она не то чтобы сэссит это, и нет красноречивых серебряных нитей, формирующихся в небесах, но она верит так, как умеет верить, что есть другая сторона света, хотя она и не видела ее никогда, верит так же, как знает, как формируются горы, и верит в это, как и в то, что Отец-Земля настоящий и живой и что он – враг. Некоторую правду просто невозможно отрицать.

К ее удивлению, Шаффа говорит:

– Да, я знаю, что Луна есть. – Возможно, его боль немного утихла. Теперь лицо его становится жестким, и он смотрит на туманный, периодически появляющийся диск солнца там, где оно не до конца пронзает тучи над горизонтом. – Это я помню.

– Ты... Правда? Так ты веришь Стали?

– Я верю *тебе*, малышка, поскольку орогены чувствуют притяжение Луны, когда она проходит близко. Осознание ее для вас так же естественно, как сэссить землетрясения. Но к тому же я ее видел. – Его глаза сужаются и взгляд резко фокусируется на Нэссун. – Зачем же тогда этот камнеед рассказал тебе о Луне?

Нэссун делает глубокий вдох и тяжело выдыхает.

– Я на самом деле просто хотела жить где-нибудь в хорошем месте, – говорит она. – Жить где-нибудь... с тобой. Я была бы не против работать и делать все, чтобы стать хорошим членом общины. Я могла бы быть лористом, наверное. – Она чувствует, как напрягаются мышцы челюсти. – Но я нигде не могу найти такой жизни. Только если буду скрывать, кто я есть. Мне *нравится* орогения, Шаффа, когда мне не приходится ее скрывать. Я не думаю, что владеть ею, быть... р-рогой... – Ей приходится замолчать, она вспыхивает, пытается стряхнуть стыд от того, что произнесла такое плохое слово, но плохие слова сейчас самые верные. – Я не думаю, что это делает меня странной или злой. – Она снова заставляет себя замолчать, сбить свои мысли с этого направления, поскольку это ведет прямо к «*но ты же делала такие плохие вещи*». Нэссун неосознанно скалится и стискивает кулаки. – Это неправильно, Шаффа. Неправильно, что люди хотят меня видеть странной, плохой или злой, они ведь так *делают* меня плохой... – Она мотает головой, подыскивая слова. – Я просто хочу быть такой, как все! Но я не такая – и все, многие, все *ненавидят* меня за это. Ты единственный, кто не ненавидит меня за... за то, что я есть. И это неправильно.

– Да, неправильно. – Шаффа приваливается спиной к своему рюкзаку с усталым видом. – Но ты говоришь так, малышка, будто попросить людей справиться со своими страхами – простое дело.

И хотя он не говорит этого, но Нэссун внезапно думает: *Джиджа не смог бы*. Желудок внезапно так подступает к горлу Нэссун, что ей приходится на миг заткнуть рот кулаком и подумать о пепле и о том, как у нее замерзли уши. В желудке у нее нет ничего, кроме горстки фиников, которые она только что съела, но ощущение все равно отвратительное.

Шаффа, против своего обыкновения, не пытается утешить ее. Он лишь настороженно смотрит на нее, но в остальном его лицо непроницаемо.

– Я знаю, что они не смогут. – Да, если говорить, то становится легче. Желудок не успокаивается, но больше она не ощущает приступа сухой рвоты. – Я знаю, они – глухачи – всегда будут бояться. Если уж мой отец не смог...

Тошнота. Она отметаает эти мысли, не закончив предложения, а затем продолжает:

– Они всегда будут бояться, и нам вечно придется так жить, а это *неправильно*. Должен быть способ... уладить. Неправильно, что этому нет *конца*.

– Ты намерена исправить это, малышка? – спрашивает Шаффа. Он говорит мягко. Она понимает, что он уже догадался. Он знает ее намного лучше, чем она сама, и она любит его за это. – Или покончить с этим?

Она встает на ноги и начинает расхаживать взад-вперед по маленькому кружку между ее рюкзаком и его. Это помогает успокоить тошноту и дерганье, от которого повышается какое-то напряжение у нее под кожей, имени которому она не знает.

– Я не знаю, как это исправить.

Но это не вся правда, и Шаффа чувствует ложь, как хищник чувствует кровь. Глаза его сужаются.

– А если бы ты знала, как все исправить, ты сделала бы это?

И тут вспыхивает воспоминание, которое Нэссун больше года не позволяла себе вызывать в памяти или думать о нем. Она вспоминает свой последний день в Тиримо.

Она приходит домой. Видит отца среди каморки. Он тяжело дышит. Она не понимает, что с ним. Почему в тот момент он не похож на ее отца – глаза слишком расширены, челюсть слишком отвисла, плечи поникли, словно ему больно. А затем Нэссун вспоминает, как посмотрела вниз.

Она смотрит, смотрит, смотрит и думает – *Что это?* Смотрит и думает – *Это мячик?* Вроде тех, которые дети в яслях гоняют во время обеденного перерыва, только те мячики сделаны из кожи, а у ног ее отца что-то другого коричневого оттенка, с алыми брызгами по всей поверхности, комковатое и наполовину сдувшееся, но «*Нет, это не мяч, подожди, это же глаз?*» Может быть, но настолько заплывший, что кажется большим распухшим кофейным зерном. *Вовсе не мяч*, поскольку он в одежде ее братика, включая те штанишки, которые утром надела на него сама Нэссун, пока Джиджа пытался собрать им свертки с обедом для яслей. *Уже не хотел надевать эти штаны*, поскольку был еще малышом и любил дурачиться так, что Нэссун приходилось вертеться перед ним, а он так смеялся, так смеялся! Она больше всего на свете любила его смех, и когда она перестала вертеться, он в благодарность позволил ей надеть на него штанишки, что означало, что этот неузнаваемый полусдутый предмет вроде мяча на полу на самом деле *Уже это Уже это Уже...*

– Нет, – выдыхает Нэссун. – Не стала бы. Даже если бы и знала, как.

Она перестала расхаживать. Одну руку она прижимает к животу. Вторая сжата в кулак, засунута в рот. Она выплевывает слова, давится ими, когда они поднимаются к ее горлу, она хватается за живот, в котором столько ужасных вещей, что она как-то обязана выпустить их, или ее разорвет изнутри. Это все искажает ее голос, превращая его в дрожащий рык, периодически взлетающий до громкого визга, поскольку это все, что она может сделать, чтобы не завопить.

– *Я не стала бы исправлять, Шаффа, не стала бы, прости, я не хочу исправлять, я хочу убить всех, кто ненавидит меня...*

У нее в подвздошь так тяжело, что она не может стоять. Она сгибается, падает на колени. Ей хочется, чтобы ее вырвало, но вместо этого она выbleвывает слова на землю между расставленных ладоней.

– *Я хочу, чтобы все это ИСЧЕЗЛО, Шаффа! СГОРЕЛО, сгорело дотла и ушло, исчезло, исчезло, НИЧЕГО не ос-с-с-талось, ни ненависти, ни убийств, просто ничего, ржавь, ничего, НАВСЕГДА...*

Руки Шаффы, твердые и сильные, поднимают ее. Она вырывается, пытается ударить его. Это не злоба и не страх. Она ни за что *не хочет* причинить ему боль. Она просто должна как-то выпустить то, что сейчас в ней, или она сойдет с ума. Впервые в жизни она понимает своего отца, вопя, отбиваясь, кусаясь и дергая себя за одежду и волосы, пытаясь ударить его головой. Шаффа быстро разворачивает ее и крепко обхватывает большой рукой, прижимая ее руки к бокам, чтобы она не поранила его или себя, выпуская свой гнев.

Вот что ощущал Джиджа, отстраненно замечает далекая, обелисково-парящая часть ее личности. Вот что поднялось в нем, когда он понял, что мама лгала, и я лгала, и Уке лгал. Вот что заставило его выбросить меня из фургона. Вот почему он пришел в Найденную Луну тем утром со стеклянным кинжалом в руке.

Это... Это Джиджа в ней заставляет ее метаться, кричать и плакать. В этот момент беспредельной ярости она как никогда близка своему отцу. Шаффа держит ее, пока она не выдыхается. В конце концов она обмякает, дрожит, задыхается и тихонько стонет, вся в слезах и соплях. Когда становится понятно, что Нэссун больше не будет вырываться, Шаффа садится, подобрал ноги, и сажает Нэссун к себе на колени. Она приникает к нему, как некогда другая девочка, много лет назад и много миль отсюда, когда он попросил ее пройти ради него испытание, чтобы остаться жить.

Но Нэссун прошла испытание; даже прежний Шаффа согласился бы с этим. Несмотря на всю свою ярость, орогения Нэссун даже не дрогнула, и она даже не потянулась к серебру.

– Ш-ш-ш-ш, – успокаивает ее Шаффа. Он делал это все время, хотя сейчас он гладит ее по спине и большим пальцем стирает ее слезы. – Ш-ш-ш. Бедняжка. Как дурно с моей стороны. Когда лишь этим утром... – Он вздыхает. – Ш-ш-ш-ш, малышка. Отдохни.

Нэссун выжата досуха и опустошена, лишь горе и ярость несутся в ней как сель, снося все на своем пути горячей бурлящей жижей. Горе, и ярость, и еще одно последнее здоровое чувство.

– Ты единственный, кого я люблю, Шаффа, – голос ее звучит сипло и устало. – И лишь из-за тебя я не с-стану. Но... но я...

Он целует ее в лоб.

– Закончи все, как тебе нужно, моя Нэссун.

– Я не хочу. – Ей приходится сглотнуть. – Я хочу, чтобы ты... чтобы жил!

Он тихо смеется.

– Ты все равно ребенок, несмотря на все, что тебе пришлось пережить. – Это ранит, но смысл его слов понятен. Она не сможет сохранить Шаффу живым и убить ненависть мира. Она должна выбрать тот или иной конец. Но Шаффа твердо повторяет: – Сделай так, как тебе надо.

Нэссун отодвигается, чтобы посмотреть на него. Он улыбается еще раз, глядя на нее ясным взглядом.

– Что?

Он нежно-нежно обнимает ее.

– Ты мое воздаяние, Нэссун. Ты – все те дети, которых я любил и защищал даже от самого себя. И если это тебя успокоит... – он целует ее в лоб, – то я буду твоим Стражем, пока мир не сгорит, малышка.

Это благословение, бальзам. Тошнота в конце концов отступает от Нэссун. В объятиях Шаффы, спокойная и покорная, она наконец засыпает среди снов о мире пылающем и плавящемся и по-своему мирном.

* * *

– Сталь, – зовет она на следующее утро.

Сталь возникает перед ними посреди дороги, скрестив руки на груди с выражением легкого изумления на лице.

– Самый близкий путь в Сердечник относительно недалеко, – говорит он, когда она спрашивает о том, чего недостает в знаниях Шаффы. – Месяц пути или около того. Конечно... – Он многозначительно позволяет словам повиснуть в воздухе. Он уже предлагал Нэссун и Шаффе лично отнести их на ту сторону света, что, вероятно, способны сделать камнееды. Это избавило

бы их от многих тягот и опасностей, но им пришлось бы довериться Стали, когда он понес бы их сквозь землю в странной, пугающей манере его сородичей.

– Нет, спасибо, – снова отвечает Нэссун. Она не спрашивает мнения Шаффы, хотя тот сидит, привалившись к скале, неподалеку. Ей незачем спрашивать его. То, что Сталь интересуется только Нэссун, очевидно. Он запросто может спокойно забыть перенести Шаффу или потерять его по пути в Сердечник. – Но не мог бы ты рассказать нам о месте, куда мы собираемся пойти? Шаффа не помнит.

Серый взгляд Стали переходит на Шаффу. Шаффа улыбается в ответ, обманчиво спокойный. Даже серебро в нем затихает, всего на мгновение. Может, Отец-Земля не любит и Сталь тоже.

– Это называлось *станцией*, – после секундного молчания объясняет Сталь. – Оно старое. Ты назвала бы его руинами мертвой цивилизации, хотя оно до сих пор невредимо, спрятанное среди настоящих руин. Давным-давно люди использовали эти станции или, скорее, транспорт этих станций, чтобы передвигаться на большие расстояния куда эффективнее, чем пешком. Сегодня же только мы, камнееды, и Стражи помним, что эти станции существуют. – Его улыбка, которая не менялась с момента его появления, неподвижная и ироничная. Похоже, что для Шаффы она почему-то что-то означает.

– Все мы платим за могущество, – говорит Шаффа. Голос его холоден и ровен, как когда он задумывает сделать что-то плохое.

– Да. – Сталь молчит на мгновение дольше, чем нужно. – И за этот метод транспортировки тоже придется заплатить.

– У нас нет ни денег, ни чего-нибудь на обмен, – встревоженно говорит Нэссун.

– К счастью, существуют и другие способы оплаты. – Сталь внезапно встает под другим углом, подняв лицо вверх. Нэссун следует за его взглядом, поворачивается и видит – Сапфир, чуть приблизившийся за ночь. Теперь он на полпути между ними и Джеkitи.

– Эта станция, – продолжает Сталь, – старше Пятых времен года. Она ровесница обелисков. Все уцелевшие артефакты этой цивилизации признают один и тот же источник энергии.

– То есть... – выдыхает Нэссун, – серебро?

– Ты так это называешь? Как поэтично.

Нэссун неуютно переминается с ноги на ногу.

– Я не знаю, как по-другому это называть.

– О, как изменился мир. – Нэссун сводит брови, но Сталь не объясняет своих загадочных слов. – Идите по дороге, пока не дойдете до Старииковской Рожи. Знаешь, где это?

Нэссун вспоминает, что видела такое на картах Антарктики целую жизнь назад, и еще хихикала. Она смотрит на Шаффу, который кивает и отвечает:

– Найдем.

– Тогда встретимся там. Развалины точно в центре травяного леса, внутри внутреннего круга. Входите после рассвета. Не теряйте времени, добирайтесь до центра, вам не стоит оставаться в лесу, как стемнеет. – Сталь замолкает, перетекает в новую позу – на сей раз определенно задумчивую. Лицо его повернуто в сторону, пальцы касаются подбородка. – Я думал, это будет твоя мать.

Шаффа замирает. Нэссун изумлена прошедшей по ней вспышкой жара, потом холодом. Медленно проходя эту странную, сложную эмоцию, она говорит:

– Что ты имеешь в виду?

– Я ожидал, что это сделает она, только и всего. – Сталь не пожимает плечами, но что-то в его голосе предполагает равнодушие. – Я угрожал ее общине. Ее друзьям, людям, которые ей дороги сейчас. Я думал, они обратятся против нее, и тогда этот выбор будет для нее более приемлем.

Люди, которые ей дороги сейчас.

– Она больше не в Тиримо?

– Нет. Она присоединилась к другой общине.

– И они... не убили ее?

– Нет. Удивительно. – Глаза Стали встречаются с глазами Нэссун. – Она знает, где ты сейчас. Врата сказали ей. Но она не идет, по крайней мере, пока. Прежде она хочет безопасно устроить своих друзей.

Нэссун сжимает челюсти.

– В любом случае меня больше нет в Джекити. И она не скоро задействует Врата, так что не сможет снова меня найти.

Сталь поворачивается к ней лицом, движение его слишком медленно и человечно, чтобы быть человеческим, хотя его ошеломление кажется искренним. Она терпеть не может, когда он движется медленно. От этого у нее мурашки по коже бегут.

– Воистину, ничто не длится вечно, – говорит он.

– То есть?

– Только то, что я недооценил тебя, малышка Нэссун. – Нэссун инстинктивно не нравится это обращение. Он снова принимает задумчивую позу, на сей раз быстро, к ее облегчению. – Думаю, лучше мне больше так не промахиваться.

С этими словами он исчезает. Нэссун, нахмурившись, смотрит на Шаффу, тот качает головой. Они надевают рюкзаки и направляются на запад.

* * *

2400: Восточные Экваториали (проверить, не была ли редкой сеть в этом районе, поскольку...), неизвестная община. Старинная местная песня рассказывает о сиделке, которая остановила внезапный взрыв и пирокластический поток, превратив его в лед. Один из ее пациентов подставил себя под арбалетный выстрел, чтобы защитить ее от толпы. Толпа дала ей уйти, она исчезла.

Проектные записки Ятра Инноватора Дибарс

Сил Анагист: Четыре

ВСЯ ЭНЕРГИЯ ЕСТЬ ОДНО И ТО ЖЕ, в разных состояниях и под разными названиями. Движение создает тепло, которое также и световая волна, которая, как звук, растягивает или ослабляет межатомные связи в кристалле, гудящем сильными или слабыми связями. В зеркальном резонансе со всем этим состоит магия, яркое излучение жизни и смерти.

Наша роль такова: сплести вместе эти несовместимые энергии. Чтобы ими манипулировать и подчинять их и сквозь призму нашего сознания создать ни на что не похожую силу, которой нельзя противостоять. Создать из какофонии симфонию. Инструмент – великая машина, называемая Глубинный движитель. Мы его настройщики.

Цель: Геоаркания. Геоаркания пытается создать энергетический цикл бесконечной эффективности. Если у нас получится, мир никогда больше не узнает нужды и раздора... или так нам говорят. Проводники мало что объясняют кроме необходимого для нашей роли. Этого достаточно, чтобы понять, что мы – маленькие, незначительные *мы* – поможем направить человечество по новому пути к невообразимо яркому будущему. Может, мы и инструменты, но мы прекрасные инструменты для величайшей цели. В этом легко найти гордость.

Мы достаточно сильно настроены друг на друга, чтобы потеря Тетлевы на некоторое время стала проблемой. Когда мы объединяемся, формируя нашу начальную сеть, она не уравновешена. Тетлева был нашим контртенором, половиной длин волн спектра; без него ближе всех я, но мой природный резонанс чуть высоковат. В результате сеть слабее, чем должна бы быть. Наши питающие линии продолжают пытаться достичь несуществующего среднего диапазона Тетлевы.

Гэве в конце концов удастся компенсировать потерю. Она проникает глубже, резонирует мощнее, и это затыкает дыру. Мы должны провести несколько дней, переделывая все связи сети, чтобы создать новую гармонию, но это несложно, просто затратно по времени. Нам не впервые приходится это делать.

Келенли соединяется с нашей сетью лишь временами. Это досадно, поскольку ее голос – глубокий, мощный и щекочущий в своей резкости – совершенен. Лучше, чем у Тетлевы, с диапазоном более широким, чем у всех нас вместе взятых. Но проводники сказали, чтобы мы к ней не привыкали.

– Она вступит при настоящем запуске Движителя, – говорит один, когда я спрашиваю, – но только если сумеет обучить вас тому, что она делает. Проводник Галлат хочет ее только в качестве резерва в День Запуска.

На поверхности это кажется разумным.

Когда Келенли – часть нас, она возглавляет нас. Это просто естественно, поскольку ее присутствие намного больше нашего. Почему? Что-то в том, как она это делает? Что-то еще. Это... удерживание ноты. Постоянное гулкое горение в срединной точке ее уравновешенных линий, в их эпицентре, чего никто из нас не понимает. Такое же горение в каждом из нас, но наше слабое и прерывистое, периодически вспыхивающее, чтобы снова быстро затихнуть. Ее – горит ровно, ее топливо словно неограниченно.

Чем бы ни было это ровное горение ноты, проводники открыли, что оно прекрасно координируется с пожирающим хаосом оникса. Этот оникс – контрольный кабошон всего Планетарного Движителя, и, хотя есть и другие пути запустить Движитель – более грубые, обходные варианты, включающие подсети или лунный камень, – в День Запуска нам непременно будут нужны точность и контроль оникса. Без этого наши шансы успешно запустить Геоарканию сильно снижаются... но пока ни у кого из нас не хватает сил удерживать оникс дольше нескольких минут. Однако мы в священном трепете наблюдаем, как Келенли держит его целый час, затем действительно кажется невозмутимой, когда разъединяется с ним. Когда мы соеди-

няемся с ониксом, он наказывает нас, лишая всего, что мы можем отдать, и оставляя нас в сне отключки много часов и даже дней, – но не ее. Его линии скорее ласкают, чем рвут ее. Ониксу она *нравится*. Это объяснение иррационально, но оно приходит на ум всем нам, так что мы начинаем так об этом думать. Теперь она должна научить нас стать более приятными ониксу, вместо нее.

Когда мы восстановили баланс и нас выпустили из проволочных кресел, вмещающих наши тела, пока наш мозг задействован, мы спотыкаемся и должны опираться на проводников, чтобы разойтись по нашим индивидуальным помещениям... когда все это сделано, она приходит нас навестить. Каждого лично, чтобы проводники ничего не заподозрили. В наших встречах лицом к лицу мы говорим вслух всякую чушь, а в это время она обращается земноречью ко всем нам одновременно.

Она ощущается острее, чем мы, говорит она, потому, что она опытнее. Потому, что она жила вне комплекса зданий, окружающих местный фрагмент, составляющий весь наш мир после того, как мы были сделаны. Она посетила не только тот узел Сил Анагиста, в котором мы живем; она видела и прикасалась к большему количеству фрагментов, чем наш местный аметист. Она даже была в Нулевой Точке, где покоится лунный камень. Мы в восхищении.

– У меня есть контекст, – говорит она нам – точнее, мне. Она сидит на моей койке. Я распростерт лицом вниз на диване у окна, отвернувшись от нее. – Когда он будет у вас, вы тоже будете такими же острыми.

(Это что-то вроде нашего жаргона, использовать земнотермины, чтобы добавить смысла слышимым словам. На самом деле она просто говорит «я старше», в то время как толика затухания придает оттенок деформации времени. Она *метаморфична*, будучи трансформированной для того, чтобы выносить невыносимое давление. Чтобы сделать этот рассказ проще, я транслирую его словами, за исключением тех моментов, когда не смогу.)

– Было бы хорошо, если бы мы были такими же острыми, как ты *сейчас*, – устало отвечаю я. Я не хнычу. Дни перебалансировки всегда трудны. – Дай нам этот контекст, оникс услышит, и у меня перестанет болеть голова.

Келенли вздыхает.

– В этих стенах нет ничего, обо что вы могли бы заострить себя. (Крошение возмущения, размалывается и быстро рассеивается. *Они держали вас в такой безопасности и скрытности.*) – Но я думаю, что есть способ, которым я помогла бы тебе и остальным сделать это, если я смогу вывести вас отсюда.

– Помочь мне... заостриться?

(Она успокаивает меня полирующим поглаживанием. *То, что вы так незаточены, – не доброта.*)

– Вам нужно больше узнать о самих себе. О том, что вы такое.

Я не понимаю, почему она считает, что я не понимаю, что я.

– Я орудие.

Она отвечает:

– Если ты орудие, разве не следует тебя довести до совершенства, насколько это возможно? – Голос ее спокоен. И все же подспудная, гневная дрожь всего окружающего – молекул, сжимающихся пластов у нас под ногами, диссонансный скрежещущий визг на пределе нашей способности сэссить – говорят мне, что Келенли невыносимо то, что я только что сказал. Я поворачиваю к ней голову и осознаю, насколько мой разум зачарован тем, что эта двойственность не проявляется на ее лице. Это другая черта, которой она схожа с нами. Мы давно научились не показывать боли, страха или печали в любом пространстве над землей или под небом. Проводники говорят нам, что мы созданы, чтобы быть подобными статуям – холодные, неподвижные, молчаливые. Мы не понимаем до конца, почему они уверены, что мы на самом деле такие; в конце концов, мы на ощупь такие же теплые, как они. Мы чувствуем эмоции,

как, видимо, и они, хотя мы действительно менее склонны демонстрировать их на лице или в языке тела. Возможно, потому, что у нас есть земноречь? (Чего они, вроде бы, не замечают. Это хорошо. В земле мы можем быть самими собой.) Нам никогда не было понятно до конца, сделаны ли мы неправильно или они понимают нас неправильно. И имеет ли это значение.

Келенли внешне спокойна, но внутри горит. Я смотрю на нее так долго, что она резко возвращается в себя и улавливает мою мысль. Она улыбается.

– Я думаю, вы похожи на меня.

Я обдумываю возможные смыслы этого.

– Не так, – говорю я по привычке. Мне приходилось порой объяснять это младшим проводникам или другому персоналу. Мы сделаны как статуи еще и в этом отношении – воплощение дизайна, которое сработало в этом случае, оставив нам способность испытывать страсть, но мы не заинтересованы и не можем давать потомства, если бы вдруг нас увлекло. Келенли тоже такая? Нет, проводники говорят, что она была сделана, чтобы отличаться от них только в одном. У нее есть наши мощные, сложные, гибкие сэссапины, которыми не обладает ни один человек в мире. Во всем остальном она как они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.